

№ 3(13) МАРТ 2006

КИНОМАН

КАЗАХСТАНСКИЙ ЖУРНАЛ О КИНЕМАТОГРАФЕ

«О ЛЮБВИ» -

**МУДРЫЙ ИСПАНЕЦ
БУНЮЭЛЬ**

Дарежана ОМИРБАЕВА

**КАУКЕНУ КЕНЖЕТАЕВУ -
90 ЛЕТ**

КАРЕН ШАХНАЗАРОВ <
(эксклюзивное интервью)

«Ритц-Палас»

1 этаж: Всё для Вашего удобства! Сказка для детей и взрослых!

Супермаркет. Бутики игрушек, детской мебели, подарков и одежды для детей. Только у нас: игровые детские площадки, современные симуляторы нового поколения и призы от «Ритц-Палас».
А также огромный fast-food, салон красоты, аптека, филиал банка и банкомат, касса сотовой связи, video, CD, DVD...

2 этаж: Shopping для всех! Бутики!

Одежда, обувь, парфюмерия, оптика, часы, сувениры. Цветочный бутик, 3 кофе-шоп, Интернет-клуб, компьютерная техника, ночной обменный пункт и многое другое...

3 этаж: Для тонких ценителей высокой моды и искусства! Представляем эксклюзивные бутики и мировые бренды!

Мужская и женская одежда, обувь, бельё, сумки, посуда, аксессуары, ювелирные изделия...

4 этаж: Лучшее место для презентаций и отдыха - огни большого города у Ваших ног! Сенсация!!!

Самый большой в городе банкетный зал - Princess Hall на 1000 персон.
Единственный в Казахстане ресторан на крыше с летним садом - Roof Garden.

Круглосуточно, охрана, бесплатная парковка на 300 маши

«Самал-3», Аль-Фараби, 1, уг. Достык

КИНОМАН

Редакция:

Главный редактор - Дарежан Омирбаев

Шеф-редактор - Ирина Костевич

Выпускающий редактор - Альжан Кусаинова

Дизайн и верстка - Наталья Киселева

Корректор - Алина Козлова

Представительство в Астане - Дизайн-группа «Фабрика», 8 (3172) 35-90-72, контактное лицо - Талгат Тайшанов, моб.: 8 300 710 08 02 (распространение в Астане, Караганде, Кокшетау, Костаное и Петропавловске)

Корреспонденты:

Диляра Тасбулатова (г. Москва),
Тимур Ермаков (г. Москва),
Лилия Фишер (г. Берлин).

Адрес редакции: Алматы, ул. Мынбаева, 43.
Телефон: 66-20-71, факс: 50-58-92.
E-mail: kinoman-magazine@mail.ru

Собственник и издатель - ТОО «Агентство «Маматай»

Генеральный директор - Мэлис Атамкулов

В номере использованы фотографии международного информационного агентства Reuters.

Обложка: кадр из фильма «Мустафа».

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры, информации и спорта РК. Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 5652-Ж от 18 февраля 2005 года.

Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ТОО «Агентство «Маматай».
Ссылка на журнал «Киноман» обязательна.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов. За содержание рекламы редакция ответственности не несет.

Отпечатано в типографии High Technology, Алматы, ул. Мынбаева, 43. Тел.: 43-36-43.

Тираж: 2000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

АО «Казпочта»
тел.: 79-41-84

индекс 75301

ТОО Агентство «Евразия-пресс»
тел.: 30-21-90, 30-20-87

индекс 75698

ТОО Агентство «Эврика-пресс»
тел.: 33-78-50, 33-76-19

индекс 75698

«КИНОМАНУ» - ГОД!

Этот номер, вопреки сложившейся традиции, мы решили предварить коллективным редакционным обращением. Поводов для этого два. Во-первых, наш главный редактор выступает на этот раз в своей привычной режиссерской ипостаси, и на ближайших нескольких страницах вас ждет встреча с ним и его новым фильмом. Ну а во-вторых, мы празднуем знаменательное событие: журналу «Киноман» исполнился год! Считаем, что первый рубеж мы взяли и в связи с этим хотели бы поблагодарить всех, кто сотрудничал с нами за это время. А именно:

Наилью Абдрашитову, Жамилю Айманбетову, Кульшару Айнагулову, Асель Алимбекову, Ларису Арюткину, Асию Акишеву, Романа Ахмедова, Снежану Баймуханову, Айгуль Байрамгулову, Рафата Бегишева, Игоря Бедова, Аскара Беркимбаева, Надежду Беркову, Надежду Борисевич, Антонину Власову, Ольгу Гарифуллину, Антонину Григорьеву, Ларису Гребцову, Жакена Даненова, Бахытжан Дуйсенову, Назым Дутбаеву, Антона Дьякова, Галию Елтай, Данияра Еникеева, Земфиру Ержан, Тимура Ермакова, Сару Журабаеву, Евгению Звонкину, Сакена Иманасова, Бинур Кенгирбаеву, Гани Кистауова, Алину Козлову, Олжаса Кожахмета, Сабита Курманбекова, Наталью Липинскую, Андрея Леднева, Виктора Лосева, Валерию Лыдкову, Ермака Мамбетова, Флюру Мусину, Мурата Мусина, Наталью Мустафаеву, Искандера Нарымбетова, Гулжан Наурызбекову, Сергея Нелидова, Ольгу Никушкину, Бауыржана Ногербека, Бекжана Нуртазу, Тимура Нусимбекова, Раушан Оспанову, Светлану Раздобу, Серика Райбаева, Аиму Рахимжанову, Келиса Рахимжанова, Назиру Рахман-кызы, Ирину Сафонову, Акжана Сейданова, Павла Сиротина, Булата Сулеева, Андрея Съедина, Меруерт Тайшанову, Талгата Тайшанова, Диляру Тасбулатову, Лауру Тлеубаеву, Гульбару Толомушову, Темирлана Тулегенова, Саиду Турсунову, Алмаса Умешова, Лилию Фишер, Асхата Халилова, Ганию Чагатаеву, Татьяну Черноусову, Скандербека Шалтакбаева, Алену Швыдко, Анну Шипилову.

А также наших партнеров из международного агентства Reuters, фирмы «Меломан», развлекательного комплекса «Ритц-палас» и типографии High-Technology.

Всех поздравляем с праздником весны - Наурызом, желаем всех благ и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

С уважением, коллектив редакции.

В номере:

Интервью

«О любви» –
рассказ Чехова на «цифре» 4–9

Фотоработы Дарежана Омирбаева 10–11

Рождение фильма

Катастрофа квартирному масштабу 12–15

Автограф

Каукен 16–19

Мастер-класс

Портрет души
в документальной раме 20–23

Фестиваль

Оскар-2006:
столкновение интересов 24–27

Новости 28–29

Элита

Карен Шахназаров:
«У кино две функции –
познание и развлечение» 30–35

Классика

За и против 36–39

Звезда

От смешного до великого 40–44

«Меломан» 45

Кинолюб

Шариков – не такой глупый и дикий...
Скорее всего,
он символ прогресса и успеха 46–48

3D – графика: мечтать не вредно! 49

Посмотрел кино и... заболел 50–53

Каруселькино

Космические приключения Джина 54–57

Звездный шанс

Фотографии претендентов 58–59

Итоги

Содержание «Киномана» за год 60–61

Киношники

Курс молодого бойца 64

«О любви» рассказ Чехова на «цифре»

- Хотелось бы поговорить о картине, которую вы только что сняли – «О любви».

- Этот фильм стал для меня в какой-то мере спасением, потому что я уже пять лет не снимал (последняя картина «Жол» вышла в 2001 году, - Авт.). Так что заказ,

который пришел неожиданно с Востока, в то время, когда я рассчитывал на Запад, очень кстати. Оказывается, в южнокорейском городе Женьжу каждый год проходит кинофестиваль, уже, моему, лет шесть. И трем режиссерам из разных концов мира

заказывают фильмы – каждый на 30-40 минут. Фильм надо снять на «цифре». Выделяют около 48 тысяч долларов, и предоставляют режиссеру полную свободу. Можно документальное кино сделать на эти деньги, можно – художественное. Лишь

* Рабочий момент фильма. Айну́р Тургамбаева (в роли Тогжан) и режиссер Дарежан Омирбаев. Фото Бориса Трошева.

бы режиссер потратил деньги на фильм. Конечно, я согласился и получил от работы большое удовольствие.

Давно хотел сделать фильм по известному рассказу Чехова «О любви», но рассказ небольшой, для полнометражной картины материала мало. И, получив заказ, сразу вспомнил о своих планах относительно экранизации рассказа. Эта вещь Чехова нравится мне, подходит моему характеру, мировоззрению. Что еще помогло, было удачным в этом проекте: дело в том, что в фильме «Жол» снялась Айну́р Тургамбаева, в маленькой роли жены режиссера. Айну́р – очень киногеничная женщина. У меня давно были какие-то планы сделать полнометражный фильм с нею в главной роли.

- Насколько я знаю, предложение поступило в ноябре, а фестиваль пройдет в апреле. Вам надо было уложиться до 17 марта.

- Да, требовалось быстро действовать. Для начала – написать сценарий, найти актеров, места съемок, технику. В итоге фильм сняли всего за две недели. Ну и относительно главных героев: в этой картине главную роль играет парень, снявшийся когда-то в моем первом полнометражном фильме «Кайрат». Кайрат Махметов – его так и зовут. И хотя я против того, чтобы снимать в главной роли одних и тех же людей в разных фильмах, потому что это очень большой компромисс, а хочется с каждым фильмом открывать новые лица, новых людей, но Кайрат подходил идеально.

- Когда я впервые увидел Кайрата «вживую», была поражена, насколько он передавал атмосферу этой истории. Как рассказ, так и сценарий «О любви», к тому времени уже подзабытые, тут же всплыли у меня в памяти...

- С момента съемок фильма «Кайрат» прошло 16 лет. За это время Кайрат успел жениться, развестись, получил какие-то

жизненные удары. И в некотором смысле он, наверное, другой человек.

- И потом, я помню, как вы рассказывали о его стремлении сниматься в кино, жертвах. Так, для этой роли он похудел на 12 килограммов.

- Да, все это так. Еще одну важную роль сыграл Канат Куантаев. Он когда-то у меня работал администратором в фильме, моему, на «Киллере», а сейчас занимается строительным бизнесом. Мы вспомнили и пригласили, и в каком-то смысле он лучше всех сыграл. Может быть, это связано с тем, что его персонаж – отрицательный.

Конечно, хочу сказать о процессе написания сценария. Все свои сценарии до этого я писал один, а тут, как мне кажется, сделал правильный ход, что стал сотрудничать с вами.

- Было очень интересно, когда мы, часто по телефону, создавали эти сцены, затем, поняв, что все надо по-другому, разрушали прежнее и делали что-то новое. Ну и потом, надо вспомнить после-

довательность. На основе рассказа Чехова вы меня попросили придумать современную историю. Даура Досыбиева, которому вы также предложили написать сценарий, надо не забыть. И в конечном итоге вы все это переписали и адаптировали под свой режиссерский стиль. Для меня это было первое реальное прикосновение к созданию кино, и я ощутила, что значит коллективный труд: в общем итоге получается совсем не то, что виделось вначале. История будто рождается сама по себе. Интересный эффект.

- Да, собственную фантазию контролировать очень сложно. И тут соавтор не помешает. А Даура я увидел в Шымкенте, он там работает журналистом, и до сих пор не разлюбил кино. Хотел его вытащить. Жалко, что не совсем вышло, он был очень занят. А с вами, мне кажется, у нас получилось, и сценарий от этого только выиграл.

- Спасибо. Теперь вот еще хочется...

- Посмотрим. А еще тут такой

В главной роли – Кайрат Махметов

Семья Сулейменовых:
Тогжан (Айнур Тургамбаева) и Аскар (Канат Куантаев)

момент — есть мужской взгляд на мир и женский. И иногда нужно женщину тоже слушать. Есть некоторые моменты, которые замечает только женщина. Мужчина при всем желании не сможет какие-то вещи придумать. И мне кажется, если сравнить наш сценарий с рассказом Чехова, то стоит сказать об одной привнесенной сцене, которой у Чехова быть не могло: когда героиня приходит к герою домой. Как сказал наш оператор Борис Трошев, в сценарии это — самый главный момент, он все поставил на свои места и, может быть, восполнил рыхлость, с точки зрения кино, рассказ Чехова, почти полностью построенный на описании эмоций. Ну а сцена эта и не могла быть написана Чеховым по той причине, что более ста лет тому назад замужние женщины без ущерба для репутации не ходили в гости к молодым людям. Сейчас же это — нормальное явление, ничего плохого здесь

нет. Поэтому, я считаю, эта сцена и сделала фильм современным. То, что мы смогли добавить к рассказу Антона Павловича.

— Сложно, если находишься внутри, понять, как это выглядит со стороны.

— Но остальное выдержано в духе Чехова, сохранены его тексты. Единственное (я в шутку для себя говорю) — у Чехова написано «эта стройная белокурая женщина не выходила у меня из головы», а мы переписали «эта стройная смуглая женщина», потому что женщина у нас снималась смуглая. Потом, конечно, есть какие-то мелочи, которые немножко нужно было поправить. Ну, допустим, у Чехова главный герой с чужой женой ходит на концерты, вот это тогда спокойно допускалось. Они могли ходить на концерты вдвоем, и при этом, допустим, не поцеловаться. Потому что тогда расстояние между людьми было строже, благороднее.

— Да и другая форма прове-

дения досуга...

— У нас сейчас ходить на концерты с чужой женой — это уже несколько рискованно. Поэтому пришлось в закадровом тексте объяснить, что они вдвоем на концерте, так как ее муж все время занят. Такие изменения маленькие пришлось сделать...

— Фильм получился только о любви, или, как мы об этом говорили, еще и о бездушии обывательской среды? Как, на ваш взгляд, звучит ли это в картине?

— Мы добавили в сценарий небольшой кусок из другого рассказа Чехова — «Крыжовник». (Вообще «сквозные» герои объединяют в целое три рассказа Чехова: «Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви», — Авт.). И этот текст, как мне кажется, оказался очень современным. Вообще Чехов смотрел далеко вперед, быть может, на сто — сто пятьдесят лет. Он ведь Водолей.

— Давайте отвлечемся от содержания фильма и погово-

рим вот о чем: «О любви» — ваш первый опыт съемок на цифровую камеру. Если результат вас удовлетворит, то можно говорить о том, что экономически вы развязали себе руки: снимать на «цифру» намного дешевле.

— Пока еще я не видел фильма на большом экране. Только на мониторе компьютера и на экране телевизора. А в этом случае никакой разницы между пленкой и цифрой нет. Но наверняка разница обнаружится при проекции на экран. Тогда, конечно, изображение будет хуже. А в том смысле, как нам работалось на цифре — конечно же, легче. Во-первых, дешевле. Не боишься, что каждую секунду уходит 2-3 доллара — столько примерно стоит сейчас метр пленки «Кодак». И никакой психологической проблемы нет — ты свободен, потом ты можешь сразу же отсмотреть снятое и, если результат не удовлетворит, сделать бесконечное число дублей. Фильм получился почти полнометражным, на 40 минут. Мы его сняли за две недели. А

обычным способом, на пленке, вышло бы в два-три раза дороже и дольше.

— Расскажите, пожалуйста, о своей съемочной группе.

— Работал с оператором Борисом Трошевым, совместно мы сделали четыре фильма. И с каждым разом работать все легче, понимаешь друг друга с полуслова. Его можно назвать сорежиссером. Звукооператором на этой картине у нас был Илья Бисеров. У нас со звукооператорами на «Казахфильме» немного сложно, потому что они переходят с картины на картину, обычно работают на нескольких картинах подряд. Возможно, это связано с тем, что их мало, и потом, кажется, у них небольшая зарплата, и они вынуждены работать на параллельных картинах. Конечно, как и в случае с оператором Трошевым, удобнее иметь постоянного звукооператора, но это сложно. Над интерьерами работал молодой художник Алексей Шиндин.

Хотел бы отметить работу художника по костюмам

(по-моему, мы с ней уже третью картину сделали), Газиы Коршиевой. Мне запомнилась на съемках одна деталь, характеризующая работу художника по костюмам. В сцене, когда женщина приходит к главному герою в квартиру, я хотел, чтобы она была в той же меховой шапке, что и на горках. Но Газиза посоветовала одеть на нее беретку, так как это сделает героиню более хрупкой, ведь ее психологическое состояние немного рискованное. Она должна быть несколько неуверенна — потому что сама, незваная, приходит к мужчине в квартиру. А здесь вдруг будет вот эта меховая шапка большая, которая делает человека сильным, защищенным. Так не пойдет. Вот такие детали влияют на образ. Хотя, конечно, были и ошибки. Сначала мы показываем дочку героини еще маленькой, затем она подрастает, по идее, проходит два-три года. Девочке поменяли прическу, что сделало ее более взрослой, но мы ошиблись и одели на нее полосатые колготки. Хотя черные безусловно ее бы

Зере Аязбай в роли дочери Сулейменовых

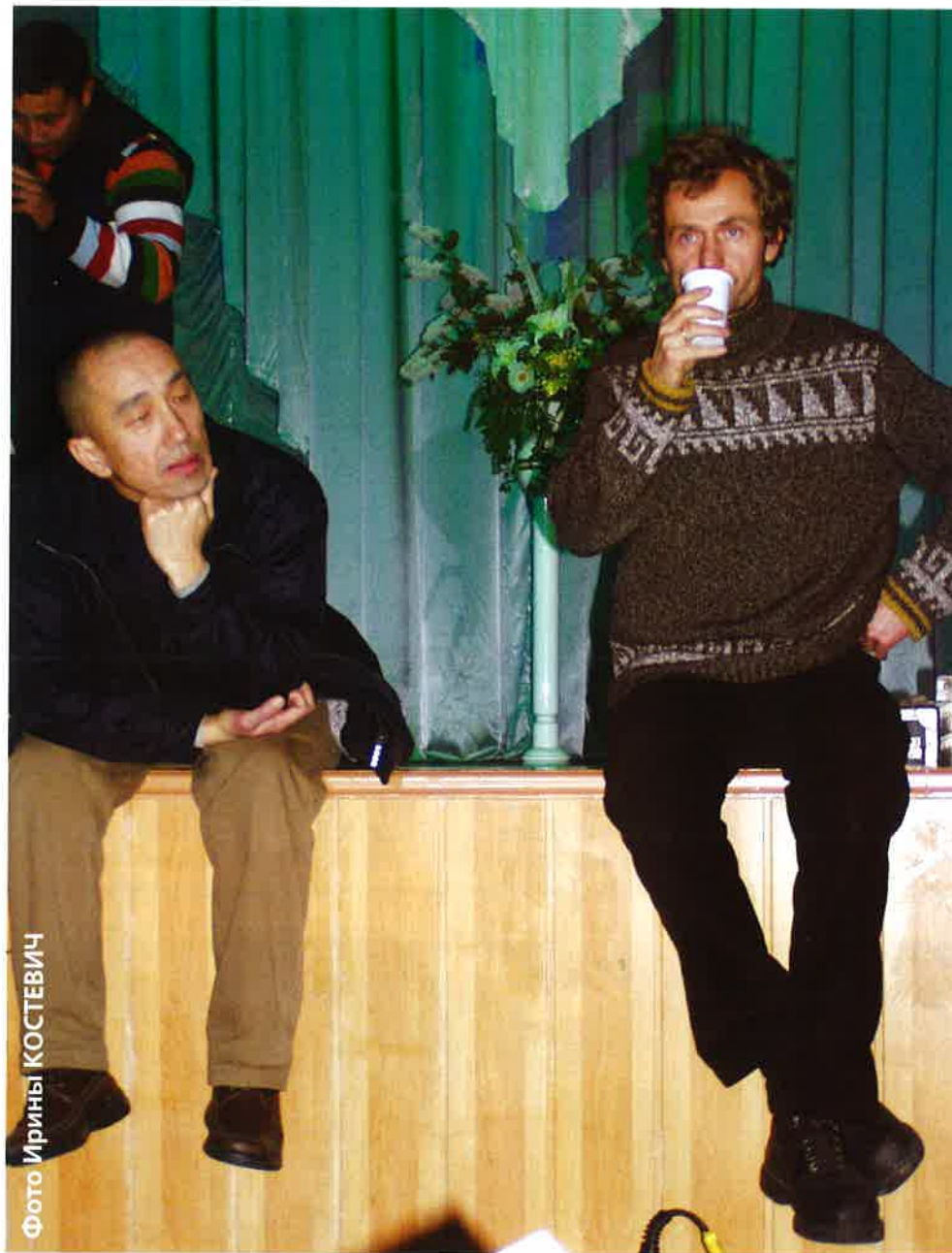

Фото Ирины КОСТЕВИЧ

Перерыв в съемках. Режиссер и оператор

взросли. Я потом даже думал их перекрасить, это, в принципе, на компьютере сделать можно. Но оказалось, это очень дорого и долго...

- Расскажите о впечатлениях, связанных с работой на современной аппаратуре.

- Мы с Нариманом Туребаевым монтировали изображение на компьютере, это очень удобно и быстро. То же касается и монтажа звука. В тексте можно пометить не только одно слово, но и

одну букву, сделать голос более упругим или, напротив, мягче. Мы записали звук на стерео. Я раньше думал: какая разница, какой у тебя телевизор – моно или стерео? Оказалось, что я просто не слушал на стерео. В телевизоре с моно звуком половина из записанного пропала.

- Фестиваль начнется в конце апреля. А ожидаемая премьера у нас?

- В мае, вероятно. Хотя это связано и со временем, и с

финансами. Кроме того, нужно будет получить разрешение корейцев. А в Женьжу наш фильм откроет нынешний фестиваль.

- У вас между фильмами «Жол» и «О любви» – пять лет разницы. За это время вы преподавали, последний год совмещая преподавание в академии с работой в журнале. Увлекаетесь фотографией, летом устраивали фото-выставку. Это – от желания чем-то заполнить жизнь без кино?

- Конечно, все время надо зарабатывать на жизнь. Но, честно говоря, я не ожидал, что работа в журнале в качестве главного редактора будет такой интересной и почетной. Это, конечно, тоже связано с кино, хотя и вторично – лучше самому снимать, чем писать о том, как снимают другие. Но все равно – это связано с кино и я считаю, что издание о кинематографе очень необходимо обществу в целом. Мне кажется,

в Казахстане есть интересные фильмы и у нас, возможно, есть зрители, которым нужны эти фильмы. И нужны мосты между ними. Проблема в том, чтобы наши казахстанские зрители могли видеть и другие фильмы кроме тех, что они сейчас смотрят. И в том числе среди них могут быть и казахские фильмы. Хотя в принципе это необязательно. Если посчитать, в Казахстане снимается 5-6 фильмов в год, а в прокате идет несколько сотен.

В любом случае, это будет очень маленький процент. Проблема глубже. Проблема в том, чтобы зрителю, читателю журнала, или студенту объяснить, что есть другие фильмы, намного лучше тех, что он смотрят.

Что касается фотографии, приведу пословицу «Нет худа без добра». Одну из мудрейших. Везде есть свои возможности, а создаваемые трудности – они подталкивают. Безработица, отсутствие съемок, оказывается, имеет и хорошее свойство – от безделья я начал фотографировать. И вы начали фотографировать...

- Ну да... С вашей легкой руки.

- Наверное, после каждого фильма наступает пустота, и эту пустоту надо чем-то заполнять. Я с детства любил рисовать, но в свое время не развил эту способность – не нашлось учителя. В школе моим самым любимым уроком было рисование. Но проблема состояла в том, что зачастую нас попросту отпускали с него. Или вместо рисования проводили другой урок, более важный, как тогда считалось

и сейчас считается в школе – например, связанный с постижением точных наук. Мне кажется, рисование – самое важное для детей дело. Оно дает возможность творить. Где-то я прочитал, что дети, которые рисуют, когда становятся взрослыми, преуспевают в других профессиях. Это дает свободу. Можно линию провести и направо, и налево – куда ты захочешь... Уроки свободы и творчества. И эта любовь к изображению – она осталась, но рисовать я сейчас стал меньше. Хотя, рисуя, поймал себя на мысли, что это медитация.

А фотографирование, это и есть примерно то же рисование. Только с помощью света, фотокамеры. И это похоже на маленькие фильмы, остановленные мгновения. Я сделал выставку в Алматы и в Таразе. Так что долгие вынужденные простои между фильмами привели меня к еще одному занятию, переросшему в хобби. Начинать фотографировать старым «Зенитом», потом перешел на цифровую камеру. Открыл для себя, что общие планы, пейзажи лучше снимать на пленку, чтобы тоньше и глубже передать

воздух, атмосферу. А вот натюрморты, предметы лучше снимать на цифре, так лучше передается фактура. «Цифра» интереснее пленки еще и потому, что можно не один снимок делать, а очень много. Смотреть и тут же поправлять. То есть это более гибко и ближе к рисованию. А на пленке вы сделаете кадр, но лишь после ряда операций, спустя время, сможете посмотреть, что же получилось.

- Хочу опять вернуться к кино. После первого опыта цифровой съемки нет ли у вас желания попробовать снять полнометражный фильм на «цифре»?

- Все зависит от заказов. Будут заказы, будут и фильмы. Все это так или иначе связано с жизненными циклами. Сейчас год Собаки, мой год, хочется верить, что он не пройдет бесплодно – тогда можно будет еще снять, даже в 2006-м.

- Удачи.

Беседовала
Ирина КОСТЕВИЧ,
фото Гайрата ВАХАБА.

Фотоработы Дарежана ОМИРБАЕВА

КАТАСТРОФА КВАРТИРНОГО МАСШТАБА

О чем я думала, когда предложила Дарежану Омирбаеву снимать фильм «О любви» у меня в квартире? Не помню. Скорее всего, только о пользе дела. Совершенно не отдавая себе отчета в том, что меня ждет. В мое отсутствие киношники провели предсъемочную подготовку: незнакомые добрые люди быстро и качественно помыли окна в гостиной, навели общий лоск. Видавший виды письменный стол перекочевал из детской на съемочную площадку, телевизор со слишком большой диагональю был заменен. Вечером в подготовленную комнату было неловко заходить. Все равно как к чужим: на полу лежит чей-то меховой ковер, на диване — плед из шкур...

С утра понедельника в квартире начинаются съемки. По сценарию, здесь разворачивается несколько эпизодов: главная героиня Тогжан, в подъезде, поднимается по лестнице, звонит в квартиру главного героя Кайрата. Тот открывает, ошарашенный. Немая сцена, неловкий разговор — оба влюблены, и каждый боится сделать первый шаг. Причины для неуверенности у каждого более чем достаточно: она — замужем, он — благородный друг ее семейства. Второй эпизод: они на кухне пьют чай. Эмоции бьют через край, но внешне — тишина, обязательный разговор. Затем сидят в разных углах комнаты, общаются. Она тайно ищет следы женского присутствия. (Ха-ха, какие там следы: накануне «киношники» все тщательно убрали!) Еще сцена — он встречается Новый, 2006 год, грустно слушает, лежа на диване, обращение президента. Смотрит на фейерверк... Меланхолично умывается в узкой ванной комнате...

Как видите, перечисление действий заняло абзац. Чтобы это снять, потребовался день изматывающей работы. Вечером, не помня себя от усталости (а ведь я-то ничего, в

отличие от съемочной группы, не делала, да еще часа три-четыре отсутствовала, была в редакции), спрашиваю Дарежана: «Ну как, сколько времени в фильме займут сегодняшние съемки?» «Очень много, — минут пять!» — отвечает довольный Дарежан. Глаза у него во время съемок горят.

О том, что кино — это вообще-то сладкий кошмар и наркотический бред, я давно догадывалась. Теперь знаю наверняка, что иногда это безо всяких эпитетов — кошмар и бред. Накануне, в воскресенье, Лимара Жексенбаева (продюсер фильма), позвонив, попросила приютить актеров — в тот холодный день съемки проходили на улице недалеко от моего дома, и Айнур с Кайратом надо было переодеться. Подойдя к указанному перекрестку, я обнаружила там несколько машин и группу замерзших людей. Ожидала большого ажиотажа. Нет, все тихо, непосвященным о том, что снимается кино, говорят разве что хлопушка и толстый поролоновый микрофон на длинном штативе. «Это — «бум», записывает естественные шумы», — объяснила Лимара. У скромной по размерам цифровой камеры — оператор Борис Трошев. В стороне — одинокий подвыпивший зевака, понимающий, что все делается не так. «Нет, ну вы скажите, что снимаете-то! Если

боевик, так пусть они пошумят, быстрее чего делают, что все как застыли!» — страдает он душой. Задумчивый режиссер тоже не вызывает у него одобрения. «Вот не понимаю я вас!» — клеймит он на прощанье киношников и уходит. Но, сдается, кроме меня зеваку никто и не заметил. Есть поважнее дела и переживания.

Лимара рассказывает, что съемки начались еще утром, за городом снимали сцену на горках. Попеременно мерзли и мокли весь день. И вот теперь, уже вечером, промерзшие, усталые, все еще снимают согласно намеченному плану. Айнур на горках промочила ноги, но продолжает находиться в образе гордой респектабельной красавицы, которой все нипочем. Самая актуальная фраза: «Быстрее, свет уходит!» Кайрат с утра мечтает выпить горячего чая, но отказывается и от этого невинного удовольствия — дорога каждая минута: свет уходит.

Еще один штрих к портрету съемочного дня: в это время дети (!), которых брали с собой на горки, играют в мебельном магазине неподалеку — по договоренности с продавцами.

Со съемочной площадки ухожу, пораженная армейской дисциплиной, слаженностью и какой-то дикой (иного и слова не подберешь) самоотверженностью. Мы расстаемся до утра.

Фото Гайрата ВАХАБА.

Ну а непосредственно съемки в нашей квартире начинаются так: приходит «хлопушечник» Данияр, начинает телефонный поиск ноутбука. Ноутбук должен лежать на письменном столе героя. Не уверена, что это имеет серьезное смысловое значение, но поскольку поставлена такая задача, Данияр его ищет. Через какое-то время приходят еще люди, еще, еще. Появляются вещи, чемоданы, освещение. Небольшая трехкомнатная квартира попадает в плен киношной действительности – ногу удастся поставить далеко не везде. Посреди спальни (это теперь и гримерная, и костюмерная) на тряпке – гора обуви, как в магазине на распродаже. Все разулись, ходят потихоньку и ведут себя, как ангелы небесные. Я пробовала считать, но потом сбилась. Кажется, человек пятнадцать... Да, не исключено, что мое жилище в тот день вспомнило старые коммунальные времена – ведь раньше здесь каждую из трех комнат занимала семья и в целом народу выходило не меньше. (Только вот кино тут еще никто не снимал!)

Мои дети счастливы – еще бы, в детской, где сосредоточились все те, кто не занят в кинопроцессе на данный момент, и мается от бездействия, выстроилась очередь желающих поиграть. В итоге один дядя рисует комиксы, другой конструирует робота, третий... Третий нашел сборник рассказов Довлатова и забылся в чтении. Время от времени из гостиной поступает приказ: «Тишина!» Это значит, что всем необходимо замереть и не производить никаких шумов – идет съемка. Для меня это похоже на команду духовного искателя Гурджиева: «Стоп!» Как известно, таким образом он помогал своим ученикам избавляться от автоматизма действий – быть готовым замереть по данной команде в любую секунду и осознать, что же ты сейчас делаешь. Вот и мы тоже замирали... А те,

кто не слышал команды, громко сморкался в это время в туалете. На съемочной площадке это выглядело так: лиричная сцена, влюбленные одни, все стихло и... кто-то сморкается в недрах пустой, по идее, квартиры! Но, говорят, это все мелочи, тяжело было, когда сняли только с двенадцатого дубля сцену, где Тогжан спрашивает Кайрата: «И что же со студентками?». Что-то там не получалось – но я пришла уже к счастливому исходу. А вот сцену многогословного чаепития героев посмотрела всю. Из кухни вынесли предметы, которые могли бы изобразить холостяка в наличии у него в хозяйстве женской руки (в общем их оказалось немного), подобрали симметричные пиалки героям. Сменили заварной чайник – похожий (такие есть, наверное, в каждом алматинском доме) уже «засветился» при трапезе в доме Тогжан. Все в порядке, герои пьют чай, смущенно крутят в руках ложечки... «Что-то вон тот газовый шланг сильно напоминает забытый кабель!» – говорит то ли Борис Трошев, то ли Дарежан, глядя на монитор. Все кидаются к некиногеничному шлангу. «Надо его отрезать!» – со спокойствием хирурга диагностирует Дарежан. Кто-то горячо шепчет мне на ухо: «Не позволяйте ему этого сделать!» Я, также шепотом, отвечаю, что еще в своем уме. В конце концов, с существованием шланга,

не вписывающегося в эстетику фильма, смиряются. Вечер. Айнура уже давно уехала, страдающему Кайрату еще предстоит прослушать новогоднее обращение президента. Чтобы создать эффект праздничной ночи, загодя был снят новогодний фейерверк в небе Алматы, теперь же требуется лишь имитация отблесков салюта на фотографии Эйнштейна (герой

– физик, Эйнштейн ему дорог). Отблески обеспечиваются бенгальским огнем. Ну и последнее – надо снять, как герой умывается. Несколько дублей на всякий случай... Перед санузлом – толпа. Мне вдруг становится ужасно смешно.

Представьте, но ведь это действительно абсурдная картина – вход в вашу «ванную+туалет» запружен людьми, причем все тянут шеи, выглядывают друг у друга из-за спин, чтобы посмотреть, что же там происходит.

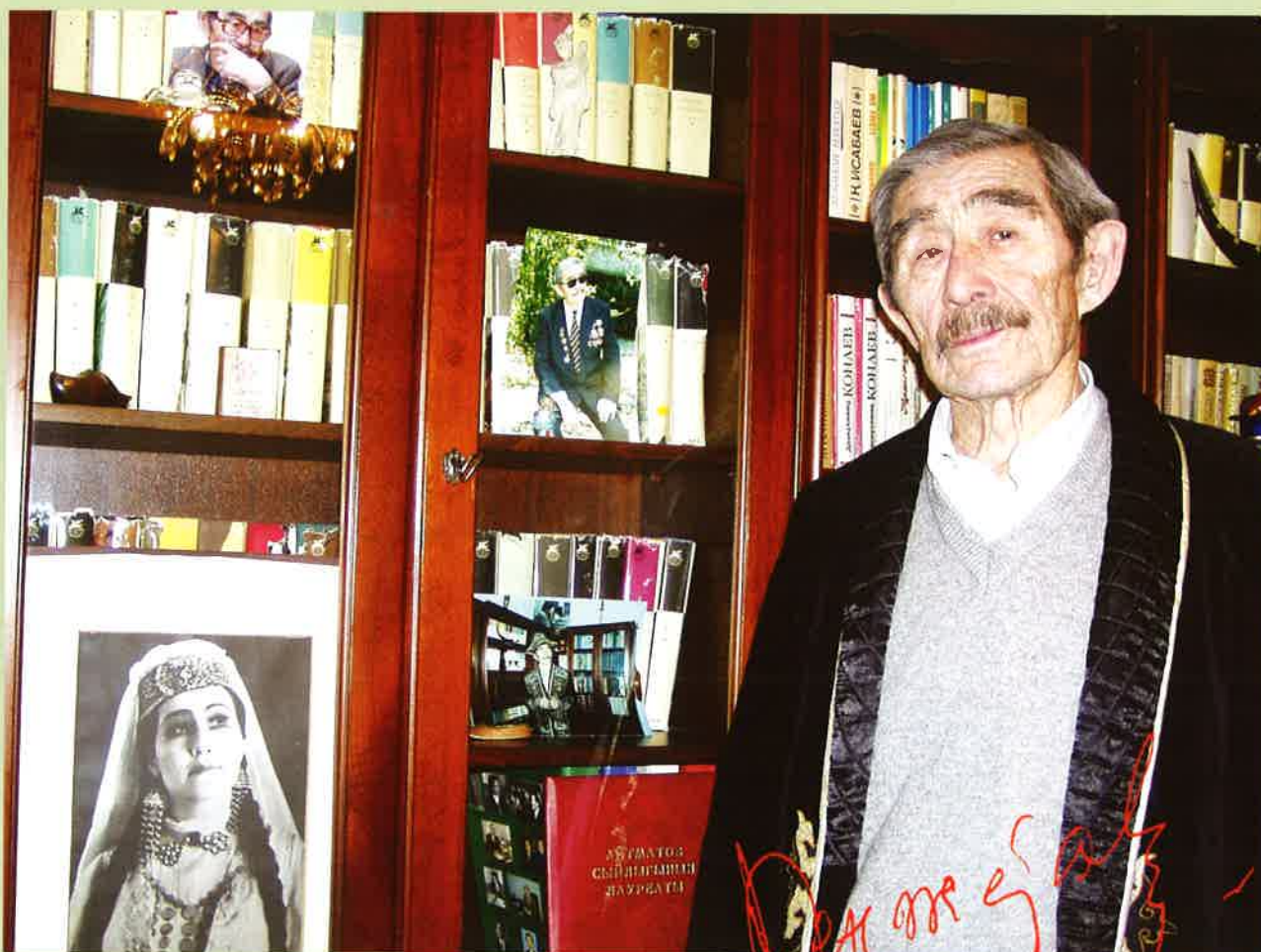
В общем, съемками я осталась довольна. Это приключение, о котором еще долго буду рассказывать сама, с восторгом будут вспоминать мои дети и (с меньшим энтузиазмом) – пришедший с работы да прямо в кино муж.

То, что потрясло меня не меньше самих съемок: после того, как все было снято и прозвучало что-то вроде команды: «Отбой!», произошло чудо. Будто бы включили перемотку – квартира моментально стала освобождаться от чужих вещей, и уже через полчаса хаос и захламленность сменились той самой степенью порядка, которая наблюдалась до съемок.

Будто гигантским пылесосом все следы тягостного съемочного дня были уничтожены. Еще мне пришло в голову сказочное сравнение – это было подобно тому, как если бы кто-то очень оперативно разобрал по кучкам перемешанные зерна мака и конопли.

И теперь, если кому-нибудь это вдруг бы понадобилось, в титры смело можно поставить: «При съемках фильма квартира не пострадала».

Ирина КОСТЕВИЧ,
фото автора.

Каукен аза

Младший брат Шакена Айманова, Каукен Кенжетеев - почти ровесник прошлого века: месяц назад ему исполнилось 90 лет. Народный артист Казахстана, оперный певец и режиссер, артист кино, лауреат «Тарлана» с первых же слов удивляет живостью ума и улыбчивостью. Задорные искорки в глазах, искренний интерес к собеседнику, заразительное добродушие. Вот уж о ком точно сказано «не стареет душой». Даже интервью Каукен Кенжетеевич построил на шутке: отвечать на некоторые вопросы представитель знаменитой фамилии согласился лишь за... деньги:

- Время нынче, сама знаешь, какое, журналисты ко мне приходят каждый день. Вчера пошутил так с одной: «В какой – спрашиваю, – валюте платить будете, нашей или американской?» А она за чистую монету приняла. Ужаснулась: «Как же, ага, у меня такой оклад маленький!» А я, знай себе, насмеяюсь: «Меня это не касается».

Отшучиваюсь и я в ответ: «Так и быть, заплачу вам пятью экземплярами журнала. Или запишу книгу ваших воспоминаний!»

- Вот это другое дело, - кивает довольный Каукен-ата и продолжает: - Я так долго живу, что

меня все уже замучили вопросами. Просят сравнить, каким был театр раньше, каким стал, кто был лучшим Абаем, Тулегеном, Кыз-Жибек за всю его историю. Мне, конечно, приятно, что современные люди так много интересуются историей. И я охотно рассказываю, как все было, хотя дал уже тысячу интервью, написал восемь книг-воспоминаний о моих современниках. Пока мог, преподавал вокал в Академии искусств им. Жургенева, (тогда он назывался Алматинский театральный институт). По моей инициативе там появилась кафедра музыкальной комедии, жаль, открыть факультет нам

тогда не позволили, то был год Олимпиады.

Я бы хотел рассказать вам не только о своем знаменитом брате Шакене, но и о своей супруге Шабал Бейсековой. Она была известной певицей в свое время, солисткой ГАТОБ им. Абая. Народная артистка Казахстана, лауреат Госпремии СССР. А какой у нее был роскошный голос! Великолепное лирическое сопрано. Она пела все ведущие партии в театре, Кыз-Жибек, Джульетту, Ажар и Сару. Шабал пользовалась успехом как на сцене, так и в личной жизни, от кавалеров отбоя не было! Удивляюсь даже, почему мне сейчас столько внимания уделяют, супруга заслужила не меньше, просто ее забыли после смерти. Мы женились по большой любви, квартиры у нас, конечно, не было, и нам разрешили жить прямо в театре. Там, в маленькой гримборной у нас и родилась старшая дочка. Мою супругу Шабал в театре все звали «маленькая мама», так ее все обожали, она была прекрасной, радушной хозяйкой, у нас очень любили гостить, всегда накрывали стол, хотя жили мы небогато. Наша дочка росла среди артистов балета, они так любили возиться с малышкой, даже спорили друг с другом, кто будет с ней нянчиться. И мы частенько оставляли ее, когда выступали на сцене, или уезжали на гастроли. Это было особенностью того времени: все жили очень дружно, всегда выручали друг друга, у нас было коллективное сознание.

На 90-летие меня завалили подарками, поздравляя с юбилеем, все такие деликатные, мягкие, уважительные... Удивляюсь даже, зачем только старики ворчат на молодых? Мне на судьбу жаловаться грех, я прожил удивительную жизнь, богатую на события, на встречи с талантливейшими людьми моей эпохи. Многие из них были моими близкими друзьями, чем я горжусь.

- А в кино вас пригласил брат, Шакен Айманов?

- Нет, самой первой моей ролью стал эпизод в фильме

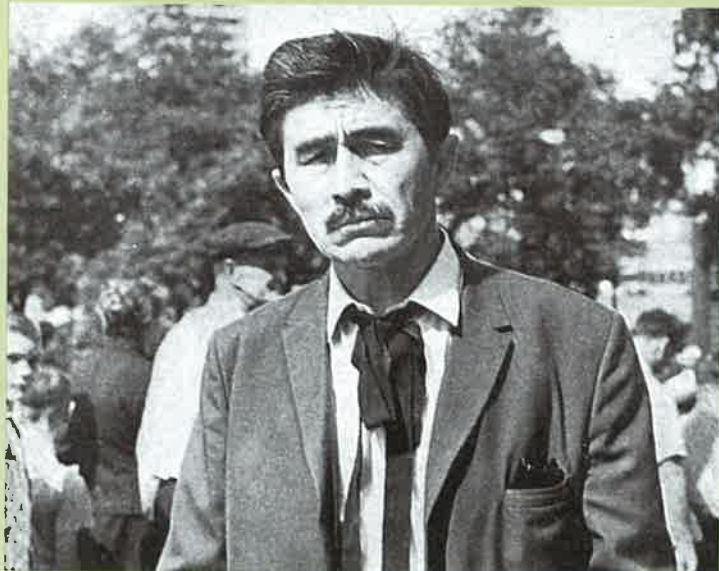

Александрова «Волга-Волга». В 1939 году, будучи студентом Московской консерватории, я сыграл у него члена комиссии по народным талантам. Моими партнерами на площадке были Любовь Орлова, Игорь Ильинский - такая удача! Потом не раз озвучивал на дубляже в Москве казахские фильмы. А через 18 лет, в 1957 году, «вернулся» на экран, сыграв у Шакена в комедии «Наш милый доктор», где он собрал всех своих любимых артистов театра, оперы.

Играл самого себя в крошечной роли: чуть-чуть текста, да спел песню, и все. А главную роль в кино первым предложил мне Мажит Бегалин в картине «Это было в Шугле», но сначала я ему отказал. Признаться, не очень-то жаловал тогда кино, фанатично любил оперу, жил своим театром, где дневал и ночевал, было не до других увлечений. Свято верил, что нет искусства выше оперы, да и сейчас в том убежден. Но звали меня в кино не раз, я отказывался, на меня

Кадр из фильма «Конец года Беркута», Каукен Кенжетеев в роли Хоорта

Кадры из фильма «За нами Москва»

обижались, удивлялись, почему это я славы избегаю, вроде. Но я понимал, что артист оперы и актер кино - это две разные стихии, и ничуть не обольщаясь насчет своих драматических способностей. В опере поют, а не разговаривают, и я долгое время аргументировал отказ от съемок тем, что искусство говорить - не мое призвание. Но отказаться совсем от чар кино не удалось, и неудивительно, ведь я дружил со многими выдающимися режиссерами своего времени. Это потом понял, что кино затягивает с такой же страстью, как и любое другое искусство. Мажит пригласил меня через некоторое время вновь, на роль кинорежиссера в фильме «Возвращение на землю».

Потом были главные роли в его картинах: «Следы уходят за горизонт», «За нами Москва» - за роль Бауржана Момыш-улы меня удостоили первой премии на фестивале кино Средней Азии и Казахстана. У Шакена я снялся еще в одной картине, «Крылья песни» - тоже в музыкальной роли.

- Вы работали с Бегалиным, Ходжиковым. Какими вы их запомнили?

- Бегалин был очень толковым режиссером, на мой взгляд. Он хорошо разбирался в литературе, истории. Мне нравилось, как он объяснял нам, что надо играть, доверял акте-

рам. «Главное, - говорил он, - чтобы передать характер, надо понять суть героя». Не говорю уж о том, что меня он знал, как облупленного, но он видел потенциал всех своих артистов. Это было свойственно многим режиссерам того времени. Вспомните, как попал в точку с главными героями Султан Ходжиков: разве можно теперь представить кого-то другого в роли Кыз-Жибек и Толегена? Куман Тастанбеков и Меруерт Утекешева идеально воплотили эти образы на экране. Да еще эти души-половинки нашли друг друга на всю жизнь! С этим фильмом была своя история. Мне досталась роль Базарбая, важного, степенного аксакала, у нас в опере он был весь такой медлительный, вальяжный и рассудительный, как хан. Но я предложил Ходжикову показать его в кино совсем другим - живым, предприимчивым купцом. Базарбай вел торговлю с Китаем, Византией, и я видел в нем прообраз будущих казахских капиталистов. Он должен был выглядеть хитрым дельцом, сумевшим склотить состояние на торговых махинациях. Режиссер со мной согласился отчасти, но образ Базарбая получился жестоким, алчным, не совсем таким, каким я его видел.

А с Мажитом мы были почти как родственники. Нас с ним

очень многое связывало, вся юность прошла рядом, даже за девушками мы вместе ухаживали, помню. Потом дружили семьями, жена Мажита любила ставить нас с Шабал всем в пример, вот, мол, как дружно надо жить семейной паре.

- Расскажите, какими они были людьми, что их выделяло?

- Шакен был шутником и балагуром, очень любил беззлобно посмеяться над окружающими, прекрасно рассказывал анекдоты, истории, умел всех забавлять. Мне трудно вспомнить его угрюмым. Через смех и юмор он выражал свою любовь к людям. Актер Евгений Диордиев очень любил поест, он и сам никогда не скрывал своей слабости. Шакен приходил с ним в ресторан и всегда заказывал три-четыре порции бесбармака на двоих. Когда официант переспрашивал, подойдет ли еще кто-то, он отвечал: «Да нет, просто мой друг за столом может запросто заменить троих. Так что не скромничайте, давайте нам самые лакомые, жирные куски, мы справимся». Еще он дружил с художником Сахи Романовым, который тоже любил покушать от души. Однажды он с гордостью признался: «Сегодня я выпил девять литров кумыса». Мы диву давались, а ему - ничего. Шакен смеялся над

друзьями ласково, и те никогда не обижались на него: «Если надо расправиться с хорошим дастарханом, без Сахи никак не обойтись». Его любовь к хохмам легко читается в комедиях «Ангел в тибетейке», «Алдар Косе» - это очень позитивные картины, пронизанные добрым, светлым юмором. Помните фразу из фильма «Наш милый доктор»: «Подарить человеку хорошее настроение - все равно, что вылечить больного»? Она выражает характер Шакена. Мы все

жили тогда трудно, фильмы зачастую рождались в больших спорах, зато нас окружала атмосфера веселья, хорошего настроения, которую создавали Шакен и его друзья, коллеги. Вообще, по-моему, юмор был свойствен многим режиссерам того времени.

Вспомнил еще забавную историю. Диордиева назначили директором цирка, и надо было проверить новую доску, с которой прыгивали в воду. Никто не решался, а Евгений возмущался: «Да вы что, она же верблюда выдержит!» - и сиганул сам оттуда, чтобы подтвердить свои слова. И, разумеется, грохнулся в воду. Хохот стоял такой, что оглохнуть можно было, а он, как ни в чем не бывало, выползает из воды в чем мать родила. Жить надо с юмором, в этом я убедился, прожив такую долгую и яркую жизнь. Никогда не унывайте, умеете смеяться над собой и над другими, это лишь украсит и обогатит нашу жизнь. Могу добавить: легкой жизни не бывает ни у кого, бывает легкое, веселое отношение к ней, которое помогает справиться с любыми невзгодами. Остроумным людям не только самим легче, жить рядом с ними тоже гораздо приятнее!

Мой отец жил 80 лет, он тоже любил пошутить от души, петь под домбру. Кстати, именно ему я обязан выбором жены. Не знаю, как было раньше, но в мое время казахи без любви не женились, это я точно знаю. Она ждала меня шесть лет, пока я был в армии, потом - на войне. В это время мой отец, как оказалось, узнав о наших отношениях с Шабал, забрал ее домой. Вернулся я с войны грязный, в

Никогда не унывайте, умеете смеяться над собой и над другими, это лишь украсит и обогатит нашу жизнь. Могу добавить: легкой жизни не бывает ни у кого, бывает легкое, веселое отношение к ней, которое помогает справиться с любыми невзгодами.

рваной шинели, захожу домой, отец с порога про невесту мою докладывает. Я говорю: «Подождите, дайте в себя прийти!», а он мне: «Нет уж, дорогой, мы ее уже взяли в снохи, придется со свадьбы начать». Сыграли той в двухкомнатной квартире Шакена, где и жили первое время. Нашими гостями были Мухтар Ауэзов, Габит

Мусрепов, Габиден Мустафин. Я и сейчас вспоминаю Шабал с любовью. Мы прожили вместе полвека, хотели отметить золотую свадьбу в театре, но Шабал, к сожалению, не смогла перенести операцию, так и не сыграли... Жили мы и у композитора Мукана Тулебаева, это была хохма, когда он меня отправил прописываться у него, выяснилось, что сам-то он там с женой восемь лет жил без прописки!

- А почему в энциклопедии у вас указано другое имя - Абдрахим?

- Тогда паспортов еще не было, это имя мне дали при

рождении родители. Шакена, к слову, называли Шахкарим, но в жизни прижились наши уменьшительно-ласкательные имена. Его все звали Шакеном, старшего, Абдыкарима - Абданом. А откуда взялось мое - Каукен? Мать рассказывала, что маленьким я часто подпрыгивал - «кау-килдеп», имя так и осталось за мной. В артисты рвался, видать, уже тогда. Хотя настоящим артистом был, конечно, Шакен.

В нашем детстве аульным было много тяжелой, черной работы, но он этого не любил, отлынивал от нее, зато всех развлекал, смешил, это у него получалось лучше всех. Когда мать ругала его: «Почему опять кизяки не собрал?», - он забирался на скалу и рыдал в три ручья, на публику. А наш прозорливый дядя Аббас смотрел в корень, защищая Шакена: «Не трогай его, видишь, у него муки творчества. Он будет художником».

Я еще много чего могу вспомнить, надо подумать, собраться с мыслями. Приходи еще, я тебе на целую книгу рассказать могу, - напутствовал Каукен-ата на прощание.

Альжан КУСАИНОВА.

Семейный квартет

ПОРТРЕТ ДУШИ В документальной раме

Д
О
С
Ь
Е:

1987 г. «Буду защищаться сам», приз за лучший фильм на Всесоюзном фестивале документального кино, г. Волгоград. Приз зрительских симпатий на Всесоюзном смотре работ молодых кинематографистов, г. Москва.
1988 г. «Босиком по снегу».
1989 г. «Маленькая Нина».
1990 г. «Повелитель мух», первый приз и приз критиков на первом Всесоюзном фестивале авторского кино, г. Полоцк. Гран-при и приз критиков на открытом фестивале документальных фильмов «Россия», г. Екатеринбург.
«Серебряный сестерций» и приз критиков на Международном кинофестивале, г. Неон (Швейцария), 1991 г. Специальный приз жюри Международного фестиваля документального кино, г. Златобор (Чехословакия, 1994 г.).
1992 г. номинировался на российскую премию «Ника».
1991 г. «Чемпион № 1», Гран-при на первом фестивале телепрограмм и авторских фильмов Казахстана (1993 г.).
1992 г. «Случайный гость» - курсовая работа на Высших режиссерских курсах, г. Москва.
1993 г. Художественный фильм «РЭМ» (курсовая работа на Высших режиссерских курсах).
1995 г. «Опыт креста», второй приз открытого фестиваля документальных фильмов «Россия», г. Екатеринбург. Приз экуменического жюри и специальный приз независимого подросткового жюри на Международном фестивале неигрового кино, г. Лейпциг, 1995 г. Гран-при фестиваля правозащитных фильмов «Сталкер», г. Москва.

Участие в Международном фестивале документального кино, г. Амстердам. Серебряный приз Международного фестиваля документальных фильмов, г. Биарриц (Франция). 1996 г. Гран-при Международного фестиваля «Medjawafe», г. Гиори (Венгрия). 1996 г. Приз ФИПРЕССИ на фестивале «Арсенал», г. Рига. 1996 г. Гран-при Международного фестиваля документальных фильмов «Амнистия интернешнл», г. Амстердам. 1997 г. фильм номинировался на Етпті. 1998 г. Гран-при Международного фестиваля правозащитных фильмов, г. Прага, 2000 г. платиновый «Тарлан» (совместно с Тарасом Поповым и Владимиром Назаровым).
2000 г. «Патетическая симфония», специальный приз жюри и приз Свердловской киностудии, фестиваль «Россия», Екатеринбург; Гран-при МКФ «Звезды Шакена» (2004 г.).
2003 г. «Непокоренная вершина» - приз за воплощение образа современника в документальном кино, МКФ «Звезды Шакена».
2004 г. «Тату в поднебесной», премия за лучший документальный сериал года, г. Москва.
2005 г. «Обреченные выжить», приз «За победу над собой», фестиваль «Саратовские страдания».

Сказать о Владимире Тюлкине «документалист», - значит, не сказать ничего. Каждое его творение тянет на шедевр: пронзительный «Опыт креста», харизматичный «Чемпион мира номер один», философский «Повелитель мух», противоречивая «Патетическая симфония».

Его камера похожа на скальпель, оперирующий души героев: выворачивает их наизнанку, тревожит, волнует и потрясает. Это в наше-то, меркантильное, суетное время он пытается повернуть зрение вглубь, в дебри подсознания, напомнить о вечных ценностях, подчеркнуть духовную природу вещей. Да так, что задумываешься: кто же он сам - философ, художник или проповедник? По его картинам можно изучать психологию человека в пограничных ситуациях, удивляться безграничному вокруг, делать открытия. Не получится только одного - пройти равнодушно мимо.

Герои вне формата

- Ваши герои - необычные личности, часто - маргиналы: зеки, наркоманы. Чем объясняется ваш интерес к нестандартному формату?

- Человеческая сущность, глубинные качества проявляются именно в пограничных ситуациях. В них больше правды, искренности. Я видел, как преобразуется человек, заболевший СПИДом. Я хотел снимать слепого фермера в зимовье,

надеялся, что проявится его глубинное эго в экстремальной ситуации. Бывает просто тема интересная, снимал, к примеру, фильм про лилипутов. Маленький человек с его маленькой верой, все его проблемы выглядят трагичнее, чем те, что происходят

с обычными людьми. Взрослая пожилая женщина детским языком повествует, как она, высотная гимнастка, упала вниз. Она не сломалась, начала осваивать в жизни что-то другое. На репетиции стоят рядом карлик, руководящий гигантской помощницей, комичная картина, казалось бы, но, с другой стороны, видно, что ее душа намного выше ее роста.

Чем мне дорог «Опыт креста»? Тарас, психолог в колонии, снимал кадры независимо от меня. Это была непредвзятая, отрешенная камера, как режиссер я бы, конечно, снял ее иначе. Я увидел в этой истории свое, другой режиссер увидел бы иное, но все сошлись бы в одном: как тяжело этим детям. То, что эти дети невольно приходят к вере в Бога, было важнее всего для меня, а не то, что их там бьют, жалко, их, конечно, было. Но они - это прообраз всего человечества, приходящего к Богу через тернии, через глубинные процессы. И все это было зафиксировано камерой, значит, это тоже своего рода исследование.

- Чем ваши герои близки вам лично? Как бы вы повели себя в таких ситуациях?

- Тюрьма - это античеловечно, страшно, еслитудапопадетчеловек с тонкой душой. Непонятно, что там с ним будет, душу он не сможет сохранить, как ему там приспособливаться? Конечно, поневоле проецируешь все на себя. Я только представил себе,

что было бы, если бы я заболел СПИДом? Жуть! В принципе там были такие моменты, когда мы могли заразиться по дурости, но когда снимаешь кино, про это не думаешь, так организуешь свою жизнь, чтобы это было лучше для съемок. Одноногая проститутка в фильме жила с нами, мы пили из одной кружки, и только потом я узнал, что вирус СПИД живет 16 часов, и понял, как это было опасно, страшно... Но если Богу будет угодно наказать тебя этой болезнью, то он это сделает. Есть что-то умное выражение: «Поливай корни, и тогда с другого конца вырастет роза». Человеческое начало есть в любом. Но в одном случае общество поливало его корни, и оно больше проявилось, а в другом - все осталось в зародыше. Это начало надо уважать в каждом, и хотя бы попытаться сделать так, чтобы оно проявилось. А если не любить своих

героев, то и снимать не стоит.

«Про собак» - это страшный фильм, у любого нормально-го человека, который его смотрит, возникает чувство протеста: так не должно быть, собак нельзя так уничтожать! Знаю, его видели люди в акимате и, если раньше собак убивали ломом, то сейчас им делают уколы. Надеюсь, что на это и мой фильм повлиял. Искусство способно менять сознание. Так было и с «Опытом креста», после него начались перемены какие-то и в МВД. Может, и плохо, что мы обнажаем язвы общества, но ведь они не должны существовать. Я понял, если делаешь образный фильм по всем законам искусства, не просто провинциальную историю, то он через некоторое время начинает жить своей жизнью, как, например, «Повелитель мух». У фильма началась новая жизнь, в прошлом году его пригласили в Оберхаузен, затем в Норвегию, в Лондон, еще несколько фестивалей. И я видел, с каким удовольствием его там смотрели.

Тернистый путь в кино

- Говорят, режиссура, это не профессия, а судьба. А вы сразу нашли свой путь?

- У меня странное образование. После школы я поступил в Военную академию им. Дзержинского в Москве, но быстро понял, что ошибся с выбором профессии, ушел в армию. Получил физико-математическое образование в КазГУ, затем решил поступать в Литинститут.

Отослав на творческий конкурс пару стихотворений, устроился на «Казахфильм» осветителем. На съемках наивно отмечал про себя, какие глупые

люди - режиссеры, в жизни столько всего происходит, а они искусственно разыгрывают банальные сцены. Думал, если уж играть, то это должно быть увлекательнее, чем в жизни. Прошел по творческому конкурсу в Литературный, нужно было ехать на конкурс, но я вдруг поймал себя на мысли, что хочу снимать. Друг, Сережа Копытин, предложил вместе поступать в ЛГИТМИК на режиссуру. Решил съездить с ним за компанию, а там видно будет. Приехали, меня все захватывает начало, мастер интересный попался, почитал ему стихи свои, он и говорит: «Боюсь, ты не поступишь, актерское мастерство у тебя близко к нулю». Экзамены нужно было сдавать и по актерскому мастерству. Он приставил ко мне пятикурсника заниматься со мной. Так и поступил, мне было уже 32 года, но главное - понял, что это моя профессия. Правда, думал, буду игровое кино снимать, но получилось так, что дипломную мы защищали с документальным кино. Герой той первой картины, чемпион мира по армрестлингу, Чиванин, так удивил меня, что я выбрал документалистику своим жанром. Потом обучался на Высших режиссерских курсах игрового кино, но без защиты дипломной, это было в 1991-м, в год распада Союза.

- Когда вы чувствуете себя счастливым? Как часто это случается?

- Счастье - это что-то непонятное, невечное, мгновения - вспышки, но в то же время что-то очень постоянное. То, что мы наделены жизнью, это уже счастье. Еще это моменты, когда проявляется твоя сущ-

ность, когда люди, мир раскрываются тебе с духовной стороны. Но чаще всего жизнь однообразна. Я всегда сам требую у своих героев эти моменты счастья, и удивляюсь, что они не могут вспомнить их, а сейчас вот и сам не могу их вспомнить... Видимо, чувство это притупляется спустя время. Был счастлив, когда показывал «Повелителя мух» впервые. Это было в Риге. Наутро после просмотра пришел на завтрак, вроде все как обычно, но люди смотрели на меня иначе. Я понял, что этот фильм отложил

в них что-то мое. А еще, когда я первый раз на курсе показывал первый фильм про Чиванина. Мастер меня и до этого выделял, но все формально воспринимали меня, как молчаливого, скромного человека. Я всегда молчу и стараюсь не высовываться, а тут после фильма все по-особенному на меня посмотрели. То, что я сумел передать свои духовные ценности через этот фильм, и люди это поняли, это было любопытно, и - похоже на счастье. Последний раз чувствовал себя счастливым в Лондоне на просмотре «Повелителя», боялся, что его не поймут, прошло ведь 15 лет после съемок, и что там можно было понять с английскими

А на следующий день скрипку нашли... Художники редко выживают - это был мой вывод из жизни, подтвержденный реальной человеческой историей. Слушая произведение Чайковского в фильме, которое любили слушать брат с сестрой, тоже невольно проникаешься той же мыслью, что жизнь непроста, и человеку с тонкой душой трудно выжить в этом мире. Но мысль эта настолько тонкая, что почти не читается, ее трудно уловить. Этот фильм поймут в будущем, не сейчас. Может, и ошибаюсь, это только время рассудит. Одно знаю точно: как ты это понимаешь, так и нужно делать, надо доверять своей душе, внутренним

субтитрами? Когда услышал хихиканье в зале, а после просмотра вопросы ко мне, увидел ожившие лица, подумал: «Надо же, фильм еще не умер...» Это была проверка на востребованность.

Свое место в искусстве

- Вас вдохновляют судьбы, характеры, которые вы снимаете?

- Если даже меня что-то интересует в человеке, я стараюсь передать не только это. В «Патетической симфонии» пришел к выводу, что человек,

искренне преданный искусству, невольно должен умереть. У хозяйки приюта для бездомных собак был брат, тонкий музыкант, первая скрипка симфонического оркестра оперного театра. Это, конечно, кому-то не нравилось, как обычно бывает, к тому же у него была kleptomания, он воровал по мелочам. Однажды пропала скрипка, на него написали заявление, вызвали на партсобрание, после чего он бросился под поезд.

- А работа на ТВ дает возможность раскрыть себя?

- Телевидение живет по своим правилам, оно должно быть понятным, нравиться. Это поток, очень простая работа, которую надо делать хорошо, мои глубинные возможности тут не востребованы. Здесь свои стандартные герои и ситуации, уникального человека встретишь редко. Хотя снимали недавно фотографа Вадима Соловьева, это уникал. Но это - исключение. Я не стал задавать ему вопросы, потому что мог увлечься, и тогда пошла бы уже другая тема.

- Что вас может разозлить в людях?

- Ничего. Мне кажется, я настолько понимаю людей... По крайней мере, стремлюсь принять каждого. Когда человек не ценит человеческое начало в другом, это может злить, да, потому что это основа, на которой держится жизнь. Но если человек не ценит этого в другом, то и в себе, значит, не любит. Не нравятся люди, которые слишком высоко себя ценят. Мы все настолько ничтожны, что думаешь порой - чего там любить-то?

подсказкам, иначе и искусством не стоит заниматься. У художника всегда есть противники его творчества, бывает и так, что только собственная душа тебя понимает. Я всегда стремлюсь сделать необычное произведение. Но смотришь потом со стороны и понимаешь, что по большому счету они не получились. В искусстве все относительно, даже самый большой успех. Есть Моцарт, и есть Сальери, во всемирной коллекции каждый из них занимает свое место. Мир бесконечен, совершенство тоже, хотя гении это, конечно, грань. Смотришь на великих, и думаешь: какой ты мелкий. А если смотреть на тех, у кого не получается, то можно возгордиться, возомнить себя величиной. Остается одно: стараться делать произведение по большому счету на пределе своих возможностей. Стремиться к успеху не внешнему, а внутреннему, как ты это понимаешь сам.

Чем мне интересен образ Христа - человеческое он настолько любил и ценил в каждом, что в себе отрицал его абсолютно, поэтому и был очень простым человеком. Мне очень нравятся простые художники, простые люди, а когда человек с небольшими хотя бы претензиями, это

Альжан КУСАИНОВА.
В иллюстрировании материала использованы кадры из фильмов Владимира ТЮЛЬКИНА.

кажется уже ограниченностью.

- Фильмы, которые вас потрясли?
- Потряс фильм «Пролетая над гнездом кукушки», но это было давно. Мне нравится, когда что-то заставляет переживать и открываются такие просторы, о которых даже не догадывался. На мой взгляд, документальный жанр движется не в ту сторону, он стал формальным: наблюдения ради наблюдений. Мне не нравятся длинные планы, это в принципе не так сложно делать. Хотя это тоже не каждый может, просто мода сейчас такая пошла, но она пройдет, а те люди, которые считаются сейчас первыми в документальном кино, станут средними. Надо делать то, что считаешь нужным. Я так хорошо знаю документальное кино, что могу снять его в любом стиле, но считаю, что снимать нужно то, что требует душа, это и есть искусство. Проверил себя, умею ли снимать заказное кино: фильм про ВИЧ-инфицированных был по заказу СПИД-центра, но и для души, для себя тоже. Хотя я бы еще поснимал там. Мы сделали его быстро, за девять дней, даже не верил, что можно так. Но полу-

чилось. Осталось перевести его на английский язык, чтобы отправить на фестивали, денег не нашел пока. Да и кто будет покупать фильм про больных СПИДом? Н о р м а л ь н ы й фильм должен иметь хэппи-энд, а в нем все заканчивается странно. В глубоком смысле это хэппи-энд, но это в подсознании, а реально он заканчивается трагично: болезнь то неизлечимая.

ОСКАР-2006: столкновение интересов

Пол Хэггис

Энг Ли

Оскарская интрига-2006 закончилась совершенно неожиданно даже для самих триумфаторов, съемочной группы «Столкновения» во главе с режиссером Полом Хэггисом. После того, как Джек Николсон со своей характерной акульей ухмылочкой прошипел: «Crash» (английское название фильма), члены съемочной группы повскакали со своих мест, словно ужаленные, и бросились друг к другу в объятия. Еще бы! Номинированный в восьми категориях Энг Ли пролетел, как фанера над Парижем, не скрывая разочарования: говорят, в кулуарах «Оскара» он так и сказал репортерам: мол, ничего

Джек Николсон

не понимаю. Впрочем, недоумевает не только он: вместе с бедным Энгом горюют и американские кинокритики, единодушно проголосовавшие за «Горбатую гору», печальную историю любви двух ковбоев-гомосексуалистов, вынужденных скрывать свою страсть от враждебного окружения. Зато кинокритики российские, скептики от природы, торжествуют: «Горбатая гора», удостоенная высшей награды Венецианского кинофестиваля, многим из них решительно не понравилась. Прежде всего из-за парадоксального сочетания экстравагантного сюжета и традиционного способа повествования.

Кадры из фильма «Столкновение»

Кроме всего прочего, в нашей косной среде еще встречаются гомофобы: своими ушами слышала, как одна милая девушка, москвичка, гневно обрушилась на картину, обвиняя героев во всех смертных грехах, в том числе в женоненавистничестве и слабости. Не принадлежа к активистам движения сексуальных меньшинств, замечу все же, что «Горбатая гора» - вовсе не о слабости и не о женоненавистничестве; но, как это ни странно, о любви. Великой любви, которой всегда нет места в нашем мире. Даже если речь идет о мужчине и женщине. Любовь, как известно, всегда запретна, всегда некстати. То, что герои этого фильма мужчины, всего лишь случайность, драматургическое допущение. Правда, если быть до конца честным, то случайность эта не так уж случайна и свидетельствует о крайней эмансипации мужчин, проявляющих свою природу, пусть и извращенную, независимо от уклада жизни, традиций и установок. Видимо, «Горбатая гора» не победила именно поэтому: Энг Ли замахнулся на святое, на корневой американский миф

- мужскую цивилизацию, персонафицированную, согласно американской мифологии, в образе ковбоя, рыцаря прерий без страха и упрека. Что, согласитесь, любому американцу, тем более оscarовскому киноакадемику, возвращенному на этой культуре, как нож в сердце.

Однако не нужно упрощать: «Столкновение», разрозненная мозаика, калейдоскоп, срез современной американской жизни, где вопреки декларируемой политкорректности, все третируют и ненавидят друг друга - одна из самых значительных картин последнего времени. Так что еще неизвестно, кто прав: Энг Ли или замшелые члены американской киноакадемии; продвинутые лос-анджелесские кинокритики или, скажем, алабамские обыватели. Впрочем, за последних все же не поручусь: им, по-видимому, придется не по вкусу и «Столкновение», и «Горбатая гора».

Странно другое: мало кто заметил, что в финальный шорт-лист в номинации «Лучший фильм» и «Лучшая режиссура» не попал Вуди Аллен, только что закон-

чивший свою новую картину «Матч-пойнт». Настолько безупречную, близкую к гениальности, что даже скептики, многие годы твердящие, что, мол, старик окончательно выдохся, были поражены. Ясное дело, старик - не совсем в струе: будучи самым европейским из американских режиссеров, до конца оставшийся независимым и не продавшийся крупным продюсерам за большие деньги, вот уже многие годы он упорно гнет свою линию. Иногда, признаем, не слишком удачно, утомительно повторяясь и, что греха таить, подхалтуривая. Настолько, что в Голливуде пустили слух, что «Матч-пойнт» вообще снят не им. Однако такие глупости могут придти в голову только тем, кто не слишком хорошо знаком с историей кино. Вуди Аллен, каким бы он ни был, в «Матч-пойнте» вернулся к корням, сделав фильм в духе своих ранних шедевров, в благословенную пору его увлечения Бергманом. «Матч-пойнт» сюжетно почти повторяет «Преступления и проступки», где, если вы помните, герой тоже убивает любовницу, нарушившую его покой. Однако

Кадры из фильма «Горбатая гора»

Вуди Аллен

Кадр из фильма «Матч-пойнт»

на совершенно новом витке, заставляющем вспомнить даже не Бергмана, а Достоевского: кстати, герой фильма то и дело прикладывается к «Преступлению и наказанию». Недаром названия рецензий на фильм позаимствованы у Достоевского: история нравственного падения молодого выскочки чем-то напоминает историю падения Раскольникова. С единственным, но весьма важным — отличием Раскольников был идеологическим убийцей, первым нищанцем, предвестником повсеместных бесов, ныне расплодившихся в невероятном количестве; алленовский герой — грянувший хам, на все готовый ради собственного благополучия. То, что «Матч-пойнт» не попал в серьезные номинации, вполне

объяснимо: что им Гекуба, что им Вуди Аллен со своей чисто европейской антиномией добра-зла? Ничего.

При этом вот что крайне любопытно: нынешний «Оскар», надо отдать ему должное, отправил блокбастеры в гетто технических номинаций. Скажем, «Кинг-Конг» Питера Джексона, картина в своем роде гениальная, не попала в шорт-лист в категории «Лучший фильм». Так же, как и сказка «Хроники Нарнии». А ведь было время, когда «Властелин колец» того же Джексона получил чуть ли не девять «Оскаров» — рекордное количество, совпадающее с числом номинаций. Что, кстати говоря, вызвало сомнение в серьезности самой премии: европейские критики обрушились на «Оскар» с обвинениями в

ложных приоритетах. Зато теперь просвещенная Европа торжествует: «Оскар» наконец-то обернулся лицом к кинематографу высокохудожественному, авторскому, дерзновенному. Все эти эпитеты, ясное дело, не слишком уместны в отношении «Властелина колец» — напоминающего, при всем его техническом совершенстве, бесконечную и громоздкую компьютерную игру.

Еще один казус «Оскара-2006» — непонятное пристрастие и академиков, и кинокритиков, и всего просвещенного сообщества к картине «Капоте», главному герою которой, Филиппу Сеймуре Хоффману вручили «Оскара» как лучшему актеру года. «Капоте» (повествующий об одном эпизоде из жизни американского писателя Трумэна Капоте) был

Кадр из фильма «Сириана»

Джордж Клуни

показан на Берлинале и особого восторга, насколько мне известно, не вызвал. Филипп Сеймур Хоффман, в общем-то хороший актер, играет здесь на одной ноте, усердно сохраняя одну и ту же маску на протяжении всего фильма. Минут через двадцать это начинает надоедать: главная фишка этой роли кроется, как выяснилось, в так называемом перевоплощении — то есть в том, что Хоффман до неузнаваемости меняет голос. Вот, собственно, и все. Вообще-то оscarовские академики обожают такие кунштыки: чтобы актер, например, растолстел килограммов эдак на двадцать (или похудел), изменил голос или приклеил бы нос (как Кидман в роли Вирджинии Вульф). Видимо, за такого рода перевоплощение наградили и

Джорджа Клуни, набравшего пресловутые двадцать кило для роли цэрэушника в «Сириане», повествующей о кознях транснациональных нефтяных концернов. Между тем Клуни, видимо, ожидал другого: чтобы оценили его режиссерскую работу в картине «Спокойной ночи и удачи» — действительно стильную и вдохновенную. Вообще героем первой половины церемонии был именно Клуни: о нем неизменно вспоминали в своих благодарственных речах, то добродушно подкалывая, то откровенно восхищаясь; на него намекали, им клялись, поминая к месту и не к месту. Во время церемонии казалось, что именно Клуни должен отхватить один из главных призов. Но — не случилось. Хотя «Спокойной ночи и удачи» — действительно замечательная картина, честная, отлично сделанная и очень левая; Клуни, демократ до кончиков ногтей, ненавидит всякое давление и манипулирование. Не будучи коммунистом по убеждениям, он тем не менее справедливо полагает, что каждый волен придерживаться собственных взглядов. Хотя для нас, бывших советских граждан, столкнувшихся с так называемым коммунизмом въяе, не совсем близок его пафос. Так же как и пафос еврокоммунистов, никогда, слава Богу, не сидевших в сталинских лагерях.

«Оскар», понятное дело, принято ругать то за буржуазность, то за официозность; многие российские критики сравнивают церемонию чуть ли не с партсо-

бранием, с которого не сбежишь; другие сетуют на гламурность и пошлость. И так далее, и тому подобное. В общем угодить нам всем трудно. Беспощадной критики удостоился даже ведущий нынешней церемонии — Джон Стюарт — писатель, сценарист, режиссер и интеллектуал. По-моему, абсолютно несправедливо: на мой взгляд, Стюарт остроумен, изыскан, хорошо держит аудиторию, то и дело меняя углы атаки и ритм ведения. Такого ведущего еще поискать — и на наших просторах в том числе. Четыре с лишним часа на ногах, с неизменно радостной, ироничной миной на лице, все время в форме: это надо уметь. Замечательно, что в этот раз был приглашен человек слегка со стороны: в отличие от прежних ведущих, Джон Стюарт не засвечен в качестве старого голливудского волка. Что придает ему особый шарм — шарм интеллигентного человека.

Дилара ТАСБУЛATOVA, Москва.

Кадр из фильма «Капоте»

Филипп Сеймур Хоффман

Питер Джексон

Джон Стюарт

Дюжина открытых миров

«Войти в открытый мир!» - призвал фестиваль документального кино в Алматы всех желающих узнать, что происходит в рамках жанра. Вниманию собравшихся представили двенадцать фильмов-новинок как маститых режиссеров со всех континентов, так и студентов «Жургеневки». Правда, приехали на форум авторы лишь из Центральной Азии.

Организаторы мероприятия - Нью-Йоркский кинофестиваль документального кино им. Маргарет Мид и Центр Центрально-Азиатской кинематографии при поддержке сетевой программы «Культура и искусство» Института открытого общества Будапешта. Привычные конкурсные рамки были проигнорированы: обошлось без раздачи слонов в виде призов и премий. Но зато, как отметили сами участники, фестиваль дал возможность почувствовать пульс жизни без прикрас, обменяться мнениями и идеями.

Проекты: «Мы живем по соседству», «Жизнь в ее красоте», «Быть женщиной», «Потерянные и найденные» и другие - за два дня фестиваля погрузили зрителей в будни приграничных зон, в мозаику человеческих судеб стран Центральной Азии.

Это вам не «Оскар»!

Подведены итоги Национальной кинопремии Франции «Сезар», отметившей в этом году свое тридцатилетие. Урожай из восьми «Сезаров», в том числе «За лучшие/фильм/музыку/монтаж» собрала лента Жака Одиара «Мое сердце бить».

ся перестало» (к слову, чуть ранее фильм взял премию «Люмьер» - французский аналог американского «Золотого глобуса»). Что же в этом фильме такого? Жак Одиар сразил французских киноакадемиков историей мелкого парижского жулика, незадачливого торговца недвижимостью, чья жизнь изменилась благодаря музыке. Приз за лучшую женскую роль вручили актрисе Натали Бай (фильм «Маленький лейтенант»). Лучшим актером признали 80-летнего Мишеля Буке, сыгравшего экс-президента Франсуа Миттерана в фильме «Прогуливающийся по

Марсову полю». Лучшим зарубежным фильмом объявили «Малышку за миллион» Клинта Иствуда, уже отмеченную тремя «Оскарами» в прошлом году. «Лучшим кинематографистом» стала Рада Михайляну за сценарий и постановку ленты «Иди, живи и становись».

Почетные премии «За вклад в кинематограф» достались Пьеру Ришару и Хью Гранту.

И грянули «Громы»

С февраля по март на телеканале «Россия» в прайм-тайм транслируется художественный сериал «Громы». История простой советской семьи, с ностальгическим посылом, напоминающая об эпохе 70-х, о том, что все мы родом из Советского Союза. За чередой трагических событий зритель в первую очередь сможет разглядеть

желание создателей фильма рассказать о самых светлых, добрых, честных проявлениях человеческой души.

Идеологи проекта - казахстанцы Бахыт Килибаев (продюсер реалити-шоу «Кредитная история») и Александр Баранов, продюсер Тимур Бекмамбетов.

Российский сериал: японцы=казахи

Известный российский актер и режиссер Всеволод Шиловский, прозванный «крестным

отцом романтического сериала», прибыл в Алматы отбирать актеров для очередного сериала. Название «мыла» - «Полиция хоккай, русский отдел». Съемки планируется провести в Москве, Сухуми, Японии.

Японцев, к слову, в фильме будет много, чуть ли не 80% актерского состава. И, как это принято у россиян, жителей Страны восходящего солнца сыграют братья-казахи (они и ближе, да и платить меньше). Кто из наших попадет в фильм, пока неизвестно.

Салим МАГЗУМОВ

Немецкая чудо-техника в кино

Для алматинских кинооператоров, осветителей, механиков съемочной техники и сотрудников цеха обработки была устроена презентация новой продукции немецкой фирмы ARRI.

Всемирно известный бренд, существующий с 1916 года, представили на «Казахфильме» директор по продажам Томас Попп (на снимке) и менеджер по осветительному оборудованию Штефан Шмидт. Вниманию специалистов на семинаре

привлекла компактная кинокамера ARRIFLEX 235, гордо возвышавшаяся на штативе. Ее вес

- всего 3,5 кг (без оптики). Надо отметить, что это - своеобразный рекорд для 35-миллиметровых камер. Рабочую «картинку» с нее можно записать на любой встроенный видеоноситель или компьютер, скорость съемки от 1 до 60 к/сек. Камеру можно успешно применять для съемок с рук, с движения - везде, где необходима мобильность.

Демонстрационный фильм компании ARRI показал возможности еще двух новых моделей: ARRIFLEX 435 XTRIME и цифровой ARRIFLEXD-20D с записью изображения на специальное устройство FLASHMAG. Не будем утомлять читателя подробным описанием технических достоинств новинок, при желании с ними можно ознакомиться на сайте www.ari.com.

Отметим лишь, что, к примеру, камера ARRIFLEX 435 позволяет использовать пленку не только с традиционными 4 перфорациями на кадр, но и новую, 3-перфорационную. Что поможет сэкономить (внимание, продюсеры!) 25% пленки при съемке.

«Технари» познакомились и с преимуществами оборудования для записи (печати) цифрового изображения на пленку ARRILASER; сканирования пленки ARRISCAN и перевода на «цифру»; линейной оптики MASTER PRIME компании ZEISS с уникальной светосилой T1,3; осветительного прибора ARRIMAX 18/12 с самым мощным в мире металлогалогенным безлиновым прожектором (срок службы лампы - 300 часов).

Остается надеяться, что руководство киностудии, которое хотелось бы поблагодарить за организацию семинара, в скором времени выделит средства на закупку новой чудо-техники от фирмы ARRI.

Ермек МАМБЕТОВ, фото автора.

Карен ШАХНАЗАРОВ:

«У КИНО ДВЕ ФУНКЦИИ — ПОЗНАНИЕ МИРА И РАЗВЛЕЧЕНИЕ»

В гостях у «Киномана» — один из самых известных российских режиссеров, президент киноконцерна «Мосфильм» Карен Шахназаров. Карен Георгиевич является дважды лауреатом Госпремии России, заслуженным деятелем искусств, народным артистом России, лауреатом многих международных кинофестивалей.

— Насколько известно, в юные годы вы занимались живописью, пробовали себя и в литературе, написав повесть «Курьер», за что были удостоены звания Лауреата премии имени Бориса Полевого. Но в итоге поступили на режиссерский факультет ВГИКа. Это получилось почти спонтанно?

— Ну, это несколько сильно сказано, что я занимался живописью. Да, увлекался, были у меня иллюзии, что можно поступить на художественный факультет ВГИКа. Но там нужно было среднее специальное художественное образование. И я как-то повернул в сторону режиссуры... А к писательству пришел, уже окончив ВГИК, у меня в тот период в кино не все складывалось, и я занялся этим делом, написал две повести.

— Человека во многом формирует среда. Георгий Хосроевич, ваш отец (политолог, известный партийный работник. — Авт.), в своей книге «С вождями и без них» пишет о благоприятной атмосфере в вашем доме для воспитания творческой личности. Ваша мать, Анна Григорьевна, будучи экономистом, стала театральным критиком (закончила ГИТИС), написала книгу о своей юности. Отец был не только крупным чиновником, но и ученым, а также профессиональным писателем-фантастом. Насколько трансформировалось в вас это, помогло состояться как художнику?

— У нас дом был достаточно хлебосольный, без конца приходили гости, люди очень интересные — Святослав Федоров, Юрий Любимов, Анатолий Эфрос, Владимир Высоцкий... Высоцкий был как-то близок с отцом, приходил к нам запросто. Помню, учился я тогда в 10 классе, Володя курил американские сигареты «Кент», и папа где-то достал ему два блока. Я отвез их ему в больницу. Бывали Андрей Кончаловский, Георгий Данелия, Сергей Бондарчук и многие другие. Я много слушал, обычно сидел где-нибудь в углу. Очень интересно рассказывали они, все — люди талантливые, незаурядные.

— Могут ли сегодня непрофессиональные режиссеры попасть в кино? Достаточно ли для этого найти необходимые деньги на съемки фильма? Даже если низкопробный или конъюнктурный сценарий?

— В принципе да. Я считаю, что приток дарований, как раньше называлось «от сохи», людей иногородних, из небогатых семей, невелик. Достаточно сложно им сегодня попасть во ВГИК, вообще пробиться. То есть Шукшину сейчас пришлось бы трудно. Думаю, в нынешних условиях он вряд ли поступил бы во ВГИК. И это — большая проблема нашего кино. Оно становится все более элитным. Кончаловский и Тарковский принадлежали к определенной элите, были сыновьями известных людей. Но при них учились и Шукшин, и Меньшов, которые уравнивали положение.

— Что вы можете сказать по поводу каче-

ства подготовки современных режиссерских кадров? В том же ВГИКе, в частности.

— Оно намного слабее, чем было в наше время и до нас. Это видно по качеству той продукции, что выпускается в России. Действительно, наблюдается некий подъем индустрии — количественный подъем. А с точки зрения качества уровень весьма и весьма посредственный. Что в значительной степени связано с проблемой подготовки кадров. ВГИК сегодня эту задачу совершенно не выполняет.

— ВГИК готовит режиссеров игровых, документальных, а также научно-популярных фильмов. Насколько это актуально?

— Сегодня это вообще является анахронизмом. Надо готовить универсального режиссера, который сможет в дальнейшем работать в различных направлениях. Не хочу вдаваться в нюансы, но много чего надо сделать. Например, принципиально реформировать ВГИК. С одной стороны, сделать образование более широким, с другой — прекратить коммерциализацию обучения. Фактически ВГИК стал почти тотально коммерческим учебным заведением, где под разными предлогами за все берутся деньги.

— Кто ваши учителя, режиссеры, у которых вы учились?

— Это Игорь Васильевич Таланкин, у которого я учился во ВГИКе. Он мне очень много дал как педагог, кроме того оказал на меня влияние не только профессиональное, но и мировоззренческое. Потом я работал с Данелия, и могу считать его в значительной степени своим непосредственным педагогом, поскольку работал в его объединении на «Мосфильме», сделал несколько картин. Если говорить шире, то на меня очень большое влияние оказали Феллини и Бунюэль. Я находился под сильным влиянием, обаянием этих выдающихся мастеров. Также большое влияние оказало на меня американское кино 70-х годов — это было очень сильное кино. У меня тогда была возможность смотреть эти фильмы в силу того, что отец работал в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», и я ездил к нему на каникулы. Как раз после событий 1968 года, наши, чтобы смягчить ситуацию, дали возможность смотреть чехам все мировое кино — то, что у нас увидеть было трудно. Американское кино и сейчас мощное, но тогда в нем были большие мастера.

— Фактически постоянный соавтор сценариев ваших фильмов — Александр Бородинский. Как образуется такое содружество? Как вы работаете, каков алгоритм совместного творчества?

— Как-то привыкли и работаем. По очереди пишем. Один лежит на диване, другой пишет. Потом меняемся, чтобы не скучно было. Мы познакомились, когда Саша работал у Данелия, он был автором сценария «Афони», затем — главным редактором на студии. В это время я искал

материал для первой картины и нашел рассказ «Кафе «Канава» Льва Славина. Даниеля посоветовал мне в качестве сценариста Сашу Бородинского. Мы познакомились, я предложил. А он говорит: «Давай вместе писать, тогда я согласен». Тогда и написали вместе этот сценарий. Правда, фильм снять мне по нему не дали, снимал почему-то Иван Киасашвили, ленту назвали «Дамы приглашают кавалеров». С этого началось наше с Бородинским соавторство. Мы так давно работаем вместе, но должен сказать, что, по-моему, ни разу даже не ссорились. У нас есть какое-то внутреннее взаимопонимание. Я даже не могу объяснить, так сложилось.

- Как рождаются идеи ваших сценариев?

- Идея рождается у кого-то одного, затем мы ее обсуждаем. Скажем, возникла идея сделать картину о джазе. Хорошо помню, как это было. Сидел, смотрел по телевизору выступление Леонида Утесова. Тут всплыла мысль, что надо нам сделать картину о советском джазе. Я мало что знал о джазе в то время... Рассказал Саше, тот тоже загорелся. Начали собирать материал, стали писать сценарий. В другой раз Саша может что-то предложить. Главное – чтобы идея получила совместное одобрение. А иногда возникает даже не идея, а, например сцена. Так было с «Городом Зеро»: я придумал сцену в музее и не знал, к чему и зачем она. Рассказал Саше, ему понравилось, мы начали придумывать сюжет вокруг музея. В результате в фильме эта сцена оказалась в середине. Насчет рождения идей трудно ответить однозначно. Наверное, в том и прелесть работы, что ты сам толком не знаешь, чем все закончится (смеется).

- Что в сегодняшней жизни сможет вас вдохновить на создание фильма?

- Сегодняшняя жизнь трудно вдохновляет. Но, если разобраться, все может служить причиной вдохновения. И отрицательные эмоции тоже. Сложность нынешнего времени в том, что оно непонятное. Мне кажется, мы как общество находимся еще в середине процесса.

- В транзитном состоянии...

- Именно. Еще ничего не закончилось. Если вы замечали, – все осмысливается по прошествии. Оценивать, когда ты находишься в движении, очень сложно. Все должно отстояться. И на самом деле это заблуждение, будто бы что-то уже завершилось и с 1991 года произошли огромные сдвиги. Нет-нет, этого еще не произошло! Это, скорее всего, лишь начало. И – очень сложный период для настоящего художника.

- Каково ваше отношение к современной критике? Насколько она, на ваш взгляд, профессиональна? Зачастую приходится читать пересказ сюжета фильма вместо анализа его компонентов...

- Критика сегодня очень слаба. Даже не то что слаба, ее практически не стало. Она катастрофически непрофессиональна. У молодых критиков

вообще никакой подготовки нет, они настолько не владеют ничем, что непонятно, откуда же они появляются. И часто видно, что – ниоткуда. Все-таки критику надо быть профессионалом и понимать, что такое кино. Я вообще давно не читал ни одного мало-мальски серьезного критического анализа, где бы внятно рассматривались все компоненты картины. История, драматургия, работа художника, оператора, постановка мизансцен – про это вообще умалчивают. Ведь создание фильма – вообще непростое дело, технологически сложное производство. Для того чтобы браться за оценку, критику, надо знать и понимать нашу профессию. Но в сегодняшней критике вы не найдете этого понимания. Возьмите любую статью – и вы не прочтете об этом ни слова. Автор пересказывает сюжет большими вольностями и лишь говорит, что нравится ему, а что – нет. И конечно, еще имеет место большая степень ангажированности, а то и просто-напросто купленность. Я читаю и ясно вижу, в каком случае материал оплачен.

- Вам довелось работать со многими замечательными актерами, в том числе с Евгением Евстигнеевым. Это правда, что вы не хотели снимать его в «Зимнем вечере в Гаграх», и ему пришлось долго бороться за эту роль?

- Евгений Александрович был у меня очень серьезным кандидатом и я, кстати, ему первоначально отправил сценарий. Мы уже были немного знакомы: в фильме «Мы из джаза» он сыграл небольшую роль. Через два дня он сам приехал и сказал: «Хочу играть эту роль». Звонил, при всяком удобном случае заходил на студию, одним словом, часто находил возможность показаться. Чувствовалось внутреннее давление на меня. А я человек достаточно упрямый и не люблю такого, поэтому возникло некоторое отторжение. В результате я утвердил Евгения Александровича на роль и, конечно, он замечательно сыграл, это была его роль однозначно. Но по-настоящему я его понял только потом. Понимаете, актер – человек очень зависимый. И роли, которые ему нравятся и которые он хочет сыграть, далеко не всегда к нему в жизни приходят. Поэтому, если ему нравилась роль, он чувствовал ее, то и правильно делал, что за нее боролся. Евстигнеев имел на это право. В этом как раз его характер, если хотите, пафосность. Он действительно настоящий художник, и я, осмыслив его мотивы, еще больше Евгения Александровича зауважал. Тем более Евстигнеев делал это неагрессивно, не давил на меня связями, не пользовался какими-то привилегиями, хотя, если разобраться, мог. Он же был народный артист СССР, очень знаменитый, а я – тогда еще молодой режиссер.

- Вы сказали как-то, что у кино есть две функции – развлечения и познания мира. И вашей сверхзадачей всегда было одно – познать ту действительность, что вокруг вас, причем пытаться сделать это так, чтобы зрите-

лю было интересно. Как соотносимо это с тем, чтобы «сеять доброе, разумное, вечное»?

- Все эти вещи должны гармонично сочетаться. Развлекаться ведь тоже можно по-разному. Можно водки выпить литра три и развлекаться. А можно, скажем, сходить в музей (смеется). Или вина выпить сухого. Говоря о развлекательной функции, я имел в виду искусство в целом, не только кино. В этом смысле кино является частью искусства, кстати, меньшей его частью. Потому что, на мой взгляд, кино, если оно и искусство, то это искусство второго сорта, второго уровня. Это все-таки не литература, не музыка, не живопись. Кино все же – полупромышленность, полуиндустрия, оно коллективно. А настоящее искусство индивидуально. Литература, живопись – первичны, а кино есть некое дыхание искусства. Одна из его функций – это познание мира, другая функция – развлечение. Развлекательное для меня подразумевает и воспитательное. Можно развлекать, заливая экран кровью, это тоже развлечение, можно найти другие методы. Чтобы человеку интересно было и в то же время оставляло какой-то след в его душе.

- Один из ваших последних фильмов – «Всадник по имени Смерть». Почему вы взялись за постановку этой картины? Из-за актуальности темы? Террор, международный терроризм стали повседневностью... В чем истоки этого зла? И преодолимо ли оно, на ваш взгляд?

- Причина, наверное, в актуальности. Когда я начинал, это не было такой уж повседневностью. К сожалению, проблема эта становится все более серьезной. И обществу, которое борется с террором (силой в том числе), все-таки надо понимать, что только силой эту проблему не решить. За террором всегда стоят серьезные проблемы, заставляющие, как правило, молодежь (причем молодежь идейную, а не покупную), жертвовать собой ради каких-то своих идей – пусть даже эти идеи называют ложными. Значит, надо разбираться. Или это социальные причины, или национальные, или комплексные. Надо понимать, что сегодня террор становится все более опасен, потому что масштаб разрушения, который он может нанести, несоизмерим. Террор был всегда. Строго говоря, Брут, убив Цезаря, тоже стал террористом. Но все дело в том, что во времена Древнего Рима террорист мог действовать максимум ножом или мечом, а теперь, видите, можно использовать самолеты, термоядерные устройства... Тема эта меня волнует, поэтому я и обратился к полузабытой повести Бориса Савинкова. Эта повесть – единственный пример в мировой истории, когда террорист такого крупного масштаба (а Савинков был знаменит на весь мир в конце XIX – начале XX веков, не меньше, чем сейчас Бен Ладен) обладал некоторым, пусть и не великим, но все-таки литературным даром, и писал повести. Причем в них описывал и своих коллег, и себя. Это информация

из первых рук, понимаете – бесценная информация! (Смеется.) Другого такого примера я не знаю. О терроризме многие пишут, но в целом люди, не имеющие к этому никакого отношения. А Савинков занимался непосредственно тем, о чем пишет, поэтому мне это показалось интересным.

- Карен Георгиевич, в марте исполняется восемь лет с того времени, как вы возглавили «Мосфильм». Что оказалось самым сложным в начале вашей работы? По прошествии времени уже, наверное, забыли об истоках, в каких руинах все это было...

- В общем, да. Особенно молодое поколение, которое привыкло к тому, что так и должно быть. А ведь «Мосфильм» в то время был в ситуации очень тяжелой, и самым главным было найти новых людей – энергичных, способных решать проблемы на всех уровнях. Фактически киностудия обновилась более всего с точки зрения кадров – на 100%. Но найти таких людей было очень сложно, вот этот поиск фактически на протяжении восьми лет и происходил. Безусловно могу сказать, что мы действительно перестроили «Мосфильм». Не отремонтировали, а практически перестроили, он таким не был и в то время, когда я пришел сюда 30 лет назад. Сейчас это, по сути, другая студия. Но самое важное, что нам удалось сделать – это модернизировать студию. В кино две составляющих: творчество и технология. Последняя очень важна, особенно в современном период. Сегодня можешь что угодно создавать, но, если ты не делаешь картину на современном техническом уровне, у тебя вообще нет шансов показать ее. Мы с этой точки зрения отставали на порядки лет. Честно говоря, я и сейчас удивлен, что нам удалось за достаточно короткий срок все это дело преодолеть. Ну и потом, я горжусь тем, что мы это сделали сами. Мы же не получаем никаких бюджетных средств. Закупали, модернизировали только из того, что сами зарабатывали. Государство ничего не давало, хотя студия и является государственным предприятием. Мы работаем чисто, как рыночники в этом смысле. И это хорошо! Потому что, во всяком случае, сегодня я могу сказать, что все, что мы сделали, мы сделали сами, своими руками. Никто не сможет утверждать, что он это сделал за нас.

- Все-таки вызывает удивление, как «Мосфильм», имея государственный статус, успешно работает в рыночных условиях. Вы не думали о возможности акционирования и приватизации киностудии?

- Да, был у нас такой, очень острый, период. Хотели акционировать и приватизировать, я выступал категорически против.

- Наверное, растащили бы все.

- Конечно, и ничего бы сейчас не было абсолютно. Я не против самого экономического рычага акционирования и приватизации. Но, к сожалению, у нас он очень странно применялся. У нас акционировались и приватизировались наиболее

Кадр из фильма
«Всадник по имени
Смерть»

прибыльные отрасли и предприятия. Обычно принято передавать частному бизнесу то, что плохо работает, где государство само не может. А у нас наоборот – то, что плохо работало, у государства остается, а газо- и нефтяная отрасли ушли в частные руки. Мы, подавляющая часть кинематографистов, были против акционирования. Хочу отметить, что нас, можно сказать, спас и лично помог президент Путин. Надо отдать ему должное. Во время его приезда на «Мосфильм» он спросил мое мнение по поводу акционирования. И я ответил, что делать это сейчас не имеет смысла, пока еще рано. Президент сказал: «Раз так, то и не надо». На следующий день он это повторил в правительстве, и все, вопрос был закрыт. Таким образом, глава государства однозначно спас «Мосфильм». Я считаю, что это правильно. Мы не смогли бы удержать такую территорию, тут уже сейчас был бы торговый центр, – все, что угодно.

– Как вам удается решать проблему подготовки квалифицированных кадров, особенно среднего звена, способного работать на новейшем оборудовании?

– Мы сами в студии готовим кадры среднего звена – режиссеров по актерам, реквизиту, костюмам, а также, например ассистентов механиков съемочной аппаратуры, ассистентов операторов, пиротехников, осветителей и многих других. Обучаем на курсах инженеров по обслуживанию студий звукозаписи (специальности «радиотехника» и «электроника»).

– Карен Георгиевич, в каком состоянии находится сейчас российский кинематограф? Создается впечатление, что он бурно возрождается. Так ли это и как вы оцениваете его качество?

– Эйфория присутствует, к сожалению, очень большая. В последнее время слышу, что мы чуть

ли не Голливуд обогнали. Ну это, мягко скажем, преувеличение (смеется). Меня пугает такая эйфория. Я знаю реальную ситуацию в киноиндустрии. Она далека от идеала. Действительно, если сравнить с началом и серединой 90-х годов, когда все было вообще разрушено, развитие есть. Но не надо себя обманывать. У нас очень много проблем. Начиная с кадров: некому снимать, нет настоящего профессиональных режиссеров, операторов, очень слабое сценарное направление. К сожалению, поток сериалов усугубляет процесс. Сериалы – те ростки, что все же появляются, губят на корню. Я вижу, как молодых ребят забирают в сериалы и там они очень быстро портятся. Какая у нас замечательная актерская школа была, а сейчас, я считаю, очень большая проблема с актерами. Плохо стали актеры работать, слабо. Опять же потому что они работают на сериалах, а там им не над чем работать, понимаете? В сериалах нет образов, очень слабая драматургия. Считаю, это очень серьезная проблема. У нас есть мелкие подвижки, скажем так. В индустрии кино определенный подъем идет. Но не следует его переоценивать, иначе мы опять начнем «шапками закидывать». Не говоря уж о том, что, прямо скажем, очень много липы. Липа в бокс-офисах. Я-то знаю, что во всех этих сообщениях очень много непроверенной информации. Плюс к тому – нерешенная проблема – пиратство. Но не хочу выглядеть в роли пессимиста, поэтому говорю: «Да, это лучше, чем было». Однако вместо того, чтобы улаживать слух звуками фанфар, надо работать, работать. И решать проблемы смотря правде в глаза. Будем работать, может быть, выйдем на приличный уровень. Но нам еще далеко до фанфар. Вот моя позиция. Уж не говорю о том, что в целом российское кино уступает на целую голову советскому. Всегда привожу простой пример. Вот я пришел

на «Мосфильм» в середине 70-х годов, здесь работали десять режиссеров мирового, европейского уровня. А что такое кино? Это режиссура. Одновременно работали Тарковский, Бондарчук, Климов, Шепитко, Гайдай, Рязанов, Панфилов, Данелия, а еще более старшие были: Александров работал, Марлен Хуциев. Помимо них еще человек двадцать крепких профессиональных мастеров. На каждой студии были мастера. А вот сейчас я не назову вам и трех имен мастеров такого класса. Вот вам и разница в уровнях кинематографа. Я не призываю посыпать голову пеплом, но надо реально смотреть на вещи и осознавать, что, если у нас и есть какой-то прогресс, то это самое начало пути. И вместо всевозможных хвalebных реляций надо потихонечку работать.

– Существуют ли творческие связи между «Мосфильмом» и «Казахфильмом»? В чем они?

– Нет, к сожалению. Вообще с бывшими союзными республиками нет системных связей. Иногда приезжают к нам казахские коллеги, работают, что-то делают. В советское время «Мосфильм» делал совместные картины. Тогда единство достигалось единым Союзом кинематографистов, единым кинопространством. Встречались на съездах, всевозможных мероприятиях, фестивалях. Мы сейчас стараемся картины наши продвигать. Работаем с телестудиями стран СНГ. Наладили хорошие связи с телеканалами Казахстана. Вот, только что у нас на студии была группа из телеканала «Астана», проводим совместную акцию по показу в Казахстане наших фильмов. Эти контакты мы приветствуем и поддерживаем.

– Вы про себя как-то сказали: «Я вообще жесткий человек. По жизни. Со мной сложно договориться». Но, напротив, вы кажетесь человеком безо всякой фанатерии. Прокомментируйте, пожалуйста.

Кадр из фильма
«Всадник по имени
Смерть»

– Вообще не очень люблю фанатерию в других людях. Если у меня она есть, стараюсь вытравливать. Наверное, это бывает, но я сам не терплю этого.

– В таком огромном коллективе «Мосфильма» приходится проявлять и твердость, наверное...

– Привык уже. Но если бы сейчас мне предложили возглавить «Мосфильм», я бы отказался – теперь уже знаю, что это такое (смеется). Имея весь опыт и знания, я бы на это не пошел, – говорю однозначно и абсолютно искренне. Но в то время я не обладал этими знаниями, а потом, когда меня выбрали руководителем киностудии, отступить было уже поздно.

– Что вы делаете для удовольствия? Что читаете, смотрите?

– Я много читаю, много покупаю книг, современную литературу тоже читаю, всякую. Люблю плавать, машину водить, часто выезжаю сам. С детьми люблю играть, я с ними очень часто бываю. Сыновья вообще любят кино, и мои фильмы тоже. Старший сын Ваня любит «Город Зеро».

– Что бы хотели пожелать читателям «Киномана», в марте журналу исполняется год?

– Хотел бы поздравить читателей с первой годовщиной вашего журнала и пожелать, чтобы эта годовщина была только началом длинного пути. Потому что на самом деле наличие кинематографического журнала очень важно для пропаганды киноискусства. Это как раз то поле, на котором могут вырасти хорошие грамотные критики, киножурналисты, они на самом деле очень важны для развития кино. Поэтому прежде всего хотел бы пожелать читателям хорошего кино, и казахстанского, и российского, и мирового. И чтобы в поисках этого кино, в его оценках им помогал журнал «Киноман».

Беседовал Тимур ЕРМЕКОВ, фото автора.

За и против

Под знаком Рыб (22 февраля)
родился великий испанский
режиссер Луис Бунюэль
(1900-1983).

Глава из книги Луиса Бунюэля
«Мой последний вздох»,
печатаются с сокращениями.

Портрет Бунюэля работы Дали

В эпоху сюрреализма мы решительно отделяли добро от зла, справедливость от несправедливости, красоту от убожества. Одни книги надо было читать, другие - нет. Одни вещи делать - другие не делать. Вспомнив эту старую игру, я решил произвольно выплеснуть на страницы мемуаров некоторые свои отвращения и пристрастия. Советую всем проделать как-нибудь то же самое.

Я обожал «Энтомологические воспоминания» Фабра. За удивительную наблюдательность, за безграничную любовь к живым существам. Эта ни с чем не сравнимая книга много выше Библии. Долгое время я говорил, что именно ее взял бы с собой на необитаемый остров. Сегодня я передумал: я не взял бы ни одной книги.

Я любил Сада. Мне было более двадцати пяти лет, когда в Париже я впервые прочитал его книгу. Это чтение произвело на меня впечатление еще более сильное, чем чтение Дарвина. Книгу «Сто двадцать дней Содома» впервые издали в Берлине в небольшом количестве экземпляров. Однажды я увидел один из них у Ролана Тюаля, у которого был в гостях вместе с Робером Десносом. Этот единственный экземпляр читал Марсель Пруст и другие. Мне тоже одолжили его. До этого я понятия не имел о Саде. Чтение весьма меня поразило. В университете Мадрида мне практически были доступны великие произведения мировой литературы - от Камюэнса до Данте, от Гомера до Сервантеса. Как же мог я ничего не знать об этой удивитель-

ной книге, которая анализировала общество со всех точек зрения - глубоко, систематично - и предлагала культурную *tabula rasa*. Для меня это был сильный шок. Значит, в университете мне лгали. И тотчас другие шедевры предстали передо мной лишенными смысла, значения. Я попробовал перечитать «Божественную комедию», и она показалась мне самой непоэтичной книгой в мире - еще менее, чем Библия. Я говорил себе: нужно было прочесть Сада раньше этих книг! Сколько зря потраченного времени! Я был потрясен завещанием Сада, в котором он просил, чтобы его прах был разбросан где придется и чтобы человечество забыло о его книгах и о его имени. Хотелось бы мне сказать о себе то же самое. Я считаю лживыми и опасными все памятные даты, все статуи великих людей. К чему они? Да здравствует забвение! Я вижу достоинство только в небытии. Если сегодня мой интерес к Саду утрачен - ведь всякая восторженность проходит, - я все равно не могу забыть эту культурную революцию.

Я обожал Вагнера и использовал его музыку во многих картинах, начиная с первой («Андалусский пес») и кончая последней («Этот смутный объект желания»). Я неплохо знал его произведения. Одним из самых больших огорчений последних лет жизни является невозможность слушать музыку. Вот уже двадцать лет мои уши не различают звуков, словно ноты стали меняться местами в написанном тексте, мешая восприятию. Если

бы случилось чудо и ко мне вернулся слух, моя старость была бы спасена и музыка стала бы своеобразным успокаивающим средством, помогающим мне спокойно уйти в небытие. В молодости я играл на скрипке, а позднее в Париже пощипывал струны банджо. Я любил Бетховена, Шумана, Дебюсси и многих других. С годами мое отношение к музыке решительно изменилось. В прежние времена, когда нам сообщали о приезде в Сарагосу Большого симфонического оркестра Мадрида, всеми овладевало волнение, разыскивали партитуры, напевали мелодии. В вечер концерта все испытывали ни с чем не сравнимую радость.

Сегодня достаточно нажать на кнопку, чтобы тотчас же у себя дома услышать любую музыку. Явственно вижу, что мы потеряли. А что выиграли? Для достижения прекрасного мне всегда казались необходимыми три условия: надежда, борьба и победа.

Я люблю поест спозаранку. Ложусь рано и встаю поздно. В этом смысле я совершенно не похож на испанца.

Я люблю север, холод и дождь. В этом смысле я настоящий испанец. Родившись в стране, где очень жарко, я не знаю ничего лучше, чем огромные влажные леса и туманы. Отправляясь летом на север, в Сан-Себастьян, я испытывал волнение при виде папоротника, мха на стволах деревьев. Мне всегда нравились Скандинавские страны (где я никогда не был) и Россия. Семи лет я написал сказку, действие которой происходило в транс-сибирском экспрессе, мчавшемся через заснеженные степи.

Мне нравится шум дождя. Для меня это воспоминание о чем-то удивительно прекрасном. Я слышу шум дождя через свой слуховой аппарат, но это не прежний шум. Дождь создает великие нации.

Я действительно люблю холод. В молодости даже в самые жестокие зимние дни я прогуливался без пальто, в одном пиджаке и рубашке. Я чувствовал, как холод проникает в меня, но я сопротивлялся, и это ощущение было мне по душе. Друзья называли меня *el sin-abrigo* - «беспальтовый». Однажды они сфотографировали меня голым на снегу.

Как-то зимой в Париже, когда Сена начала замерзать, я встречал Хуана Висенса на вокзале д'Орсэ, куда прибывали поезда из Мадрида. Холод был настолько пронизывающим, что мне пришлось бегать вдоль перрона. Но это не помешало мне подцепить пневмонию. Едва поправившись, я тотчас же купил себе теплую одежду - впервые в жизни.

Я не люблю теплые страны. Это логическое следствие вышесказанного. В Мексике я живу по чистой случайности. Не люблю пустыни, песок, арабскую, индийскую и в особенности японскую цивилизации. В этом смысле я человек несовременный. Меня привлекает только греко-романо-христианская цивилизация, на которой я вырос.

Как большинство глухих, я не очень люблю слепых... Иногда я задаю себе вопрос: правда ли, что слепой счастливее глухого? Не думаю. Я знал одного удивительного слепого по имени Лас Эрас.

Он потерял зрение в восемнадцать лет, несколько раз пытался покончить с собой - родители зарешетили окна его комнаты. Потом он привык к своему состоянию. В 20-е годы его часто можно было видеть в Мадриде. Он еженедельно приходил в кафе «Помбо», на улице Карретас. Немного писал. По вечерам, когда мы бродили по улицам, он ходил с нами. Однажды утром, когда я жил в Париже на площади Сорбонны, позвонили в дверь. Открываю - это Лас Эрас. Весьма удивленный, впускаю его. Он говорит, что только что приехал по делам в Париж совсем один. Объясняется на чудовищном французском. Спрашивает, могу ли я его проводить до автобуса. Я провожаю его и вижу, как он уезжает один в незнакомом городе, который он к тому же не видит. Это показалось мне невероятным. Чудо-слепой.

Среди всех слепых в мире есть один, которого я не очень люблю, - Хорхе Луис Борхес. Он очень хороший писатель, это очевидно, но в мире полно хороших писателей. К тому же я не могу уважать человека только потому, что он хорошо пишет. Нужны другие достоинства. А вот Борхес, которого я встречал два-три раза лет шестьдесят назад, представляется мне высокомерным и самовлюбленным человеком. Во всех его заявлениях я слышу что-то менторское (*sienta catedra*, как говорят испанцы), напыщенное. Мне не нравится также реакционный характер некоторых его заявлений, его презрение к Испании. Умеющий хорошо говорить, как и большинство слепых, он одержим желанием стать лауреатом Нобелевской премии. Совершенно очевидно, что он мечтает ее получить.

Я противопоставляю его позиции поведение Жана-Поля Сартра. Избранный шведской академией лауреатом Нобелевской премии, он отказался принять звание и деньги. Когда я прочитал об этом в газетах, я послал ему телеграфом поздравление. Я был искренне тронут. Разумеется, если мне придется снова встретиться с Борхесом, я, возможно, решительно изменю свое мнение о нем.

Думая о слепых, я вспоминаю фразу Бенжамена Пере (цитирую по памяти, как и все прочее): «Правда ли, что болонская колбаса изготавливается слепыми?» На мой взгляд, это утверждение в вопросительной форме столь же очевидно, как евангельская истина. Естественно, что некоторые могут считать абсурдом связь между слепыми и болонской колбасой. Для меня же это волшебный пример совершенно иррациональной фразы, проливающей внезапный и таинственный свет истины.

Я презираю педантизм и жаргон. Я смеялся до слез, читая некоторые статьи в «Кайе дю синема». Став в Мексике почетным председателем Киноцентра, высшей киношколы, я был однажды приглашен посетить это учреждение. Мне представили нескольких профессоров. Среди них был один прилично одетый, краснеющий от застенчивости молодой человек. Я спросил его, что он преподает. Он ответил: «Семнологию и клоническое изображение». Я готов был его убить. Жаргонный педантизм как типично парижское явление оказал самое пагубное влияние на слаборазвитые страны. Это совершенно очевидный, наглядный пример

культурной колонизации.

Я смертельно презираю Стейнбека. В частности, за одну статью, написанную в Париже. В ней он - совершенно серьезно - рассказывал, как увидел французского мальчика, который, проходя мимо Елисейского дворца, отсалютовал часовым батоном хлеба. Стейнбек нашел поступок «волнующим». Чтение этой статьи вызвало у меня дикую ярость. Как можно проявлять такое бесстыдство? Стейнбек был бы никем без американских пушек. А заодно с ним могу назвать Дос Пассоса и Хемингуэя. Если бы они родились в Парагвае или Турции, кто бы стал их читать? Судьбу писателей решает могущество их страны. Гальдос-романист может быть в чем-то приравнен к Достоевскому. Но кто его знает за пределами Испании?

Я люблю монастырские дворики и с особой нежностью отношусь к дворику монастыря Эль Паулар. Среди бесчисленного количества незабываемых мест это мне особенно по душе. Когда мы с Каррьером работали в Эль Паулар над сценарием, мы каждый день ходили туда помечтать. Это довольно большой готический дворик. Он окружен не колоннами, а похожими на них строениями с высокими стрельчатыми окнами, закрытыми деревянными ставнями. Крыши выложены римской черепицей. Доски ставен сломаны, а стены поросли травой. Здесь ощущается тишина вечности.

Каждый раз наше внимание привлекали три могилы, расположенные рядом. В первой, самой величественной, XVI века, покоятся останки одного из настоятелей монастыря, оставившего, вероятно, добрые воспоминания о себе. Во второй похоронены две женщины, мать и дочь, погибшие в автомобильной катастрофе в нескольких сотнях метров от монастыря. Поскольку никто не явился за их останками, они находятся в этом склепе. На камне третьей могилы - очень простом, уже покрытом сухой травой - начертано американское имя. Монахи нам рассказали, что человек, покоящийся здесь, был одним из советников Трумэна в момент взрыва атомной бомбы над Хиросимой. Как и многие другие, участвовавшие в разрушении этого города, например, пилот самолета, американец страдал нервной депрессией. Он оставил семью, работу, сбежал и некоторое время бродяжничал по Марокко и оттуда приехал в Испанию. Однажды вечером он постучал в дверь монастыря. Он был так истощен, что монахи приютили его у себя. Неделию спустя он умер.

Как-то монахи пригласили нас с Каррьером пообедать с ними в их большой готической столовой. Обед был довольно вкусным, с барашком и картофелем. Но во время трапезы было запрещено разговаривать. Один из бенедиктинцев читал что-то из Священного писания. Зато после обеда мы прошли в соседнее помещение с телевизором, пили там кофе, ели шоколад и наговорились всласть. Эти монахи, очень простые люди, изготавливали сыр и джин (потребление последнего им было запрещено, ибо они не платили налога) и продавали по воскресеньям туристам почтовые открытки и инкрустированные трости. Настоятель знал о дьявольской репутации моих фильмов, но

лишь усмехался и, почти извиняясь, говорил, что никогда не ходит в кино.

Я ненавижу газетных фотографов. Двое из них буквально осаждали меня как-то, когда я прогуливался по дороге неподалеку от Эль Паулар. Подпрыгивая вокруг меня, они щелкали камерами, несмотря на выраженное мной желание побыть одному. Но я был слишком стар, чтобы проучить их. И жалел, что не имел при себе оружия.

Я люблю пунктуальность. Вероятно, это маниакально. Не помню, чтобы я куда-то опоздал. Если я приходил раньше времени, то расхаживал поблизости, пока не наступала минута стучать в дверь.

Я люблю и одновременно не люблю пауков. Эту манию я разделяю со своими сестрами и братьями. Мои чувства можно сравнить с влечением и отвращением одновременно. На семейных собраниях мы могли часами разговаривать о пауках, прибегая к подробным и ужасным описаниям.

Я ненавижу толпу. Я называю толпой всякое собрание, где больше шести человек. Вспоминается знаменитая фотография Виджи - пляж на Конии Айленде в воскресенье, - тьма людей. Такие собрания вызывают у меня чувство удивления и ужаса.

Мне нравятся маленькие инструменты - щипчики, ножнички, лупы, отвертки. Как и зубная щетка, они всегда при мне. Я аккуратно раскладываю их в ящике и часто ими пользуюсь.

Я люблю рабочих, восхищаюсь ими и завидую их умелым рукам.

Мне нравятся фильм Кубрика «Тропы славы», «Рим» Феллини, «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна, «Большая жратва» Марко Феррери, эдакий гедонистский памятник трагедии плоти, «Гупи - Красные Руки» Жака Беккера и «Запрещенные игры» Рене Клемана. Мне очень нравились ранние фильмы Фрица Ланга, Бестера, Китона, братьев Маркс, фильм Хаса (по роману Я. Потоцкого) «Рукопись, найденная в Сарагосе» - я видел его трижды, что для меня редкость, и заставил приобрести для Мексики в обмен на «Симеона-столпника». Я очень люблю довоенные картины Ренуара, «Персону» Бергмана. У Феллини мне также нравятся «Дорога», «Ночи Кабирии», «Сладкая жизнь». Я никогда не видел «Мамыных сынов» и сожалею об этом. А «Казановы» я ушел задолго до конца.

У Де Сики я очень любил фильмы «Шуша», «Умберто Д.» и «Похитители велосипедов». Я был с ним знаком и считал его близким человеком.

Мне очень нравились фильмы Эриха фон Штрогейма. В свое время картина «Ночи Чикаго» показалась мне великолепной. Я с отвращением отнесся к фильму «Отныне и во веки веков» Циннемана, милитаристской и шовинистической мелодраме, которая, увы, имела большой успех.

Я очень люблю Вайду и его фильмы. Мы никогда не встречались, но однажды, на одном из Каннских фестивалей, он публично заявил, что мои первые фильмы побудили его заняться кинематографом. Это напоминает мне мое собственное восхищение первыми картинами Фрица Ланга, решившее мой выбор. Есть что-то трогательное в

тайнственных связях, идущих от фильма к фильму, от одной страны к другой. Однажды Вайда прислал мне открытку, иронически подписанную «ваш ученик». Это трогает меня, тем больше что его фильмы, которые я видел, кажутся мне превосходными.

Мне нравились картины «Манон» Клузо и «Аталанта» Виго. Я был у Виго на съемке. У меня осталось о нем впечатление как о человеке физически очень слабым, очень молодым и очень любезным.

В числе моих любимых картин я хотел бы назвать английский фильм «Глухая полночь» - собрание фантастических киноновелл, фильм «Белые тени Южных морей», который показался мне сильнее, чем «Табу» Мурнау. Я обожал «Портрет Дженни» с Дженифер Джонс, малоизвестное, но полное таинственности и поэзии произведение. Однажды я высказал свое восхищение им, и Селзник написал мне слова благодарности.

Среди фильмов Карлоса Сауры, как и я, арагонца, которого я давно знаю (он даже уговорил меня сыграть роль палача в своем фильме «Плач по бандиту»), я очень любил «Комнату» и «Кузину Анхелику». Мне очень нравится этот режиссер. Исключение составляет фильм «Выкорми ворона». Последние его работы я не видел. Я больше не смотрю фильмы.

Мне нравится фильм Джона Хьюстона «Сокровище Сьерра-Мадре». Хьюстон - великий режиссер и очень теплый человек. Мой фильм «Назарин» был показан в Канне во многом благодаря ему. Увидев его в Мексике, он целое утро дозванивался в Европу. Я этого не забуду.

Я обожаю тайные ходы, полки библиотек, которые бесшумно поворачиваются и могут скрывать помещения, скрипящие лестницы, замурованные в стены сейфы (у меня тоже есть такой, но не скажу где).

Я люблю оружие и стрельбу. У меня было штук шестьдесят пять револьверов и ружей. Большую часть своей коллекции я продал в 1964 году, когда думал, что умру. Я любил стрелять и делал это даже в своем кабинете, используя в качестве цели металлическую коробку на одной из полок библиотеки. Стрелять в закрытом помещении нельзя. Из-за этого я и оглох на одно ухо в Сарагосе. Я увлекался особым видом стрельбы: вы идете, потом внезапно оборачиваетесь и, словно в вестерне, стреляете по цели.

Я люблю ушей и особенно крыс. За исключением последних лет, у меня всегда водились крысы. Я их приручал, а потом отрезал кусок хвоста (крысиный хвост очень уродлив). Крыса - удивительное и милое существо. Когда в Мексике у меня накапливалось штук сорок, я отправлялся в горы и выпускал их на волю.

Я ненавижу вивисекцию. В студенческие годы мне однажды пришлось распясть лягушку и лезвием бритвы рассечь ее, чтобы увидеть, как работает ее сердце. Этот абсолютно, бессмысленный эксперимент поразил меня на всю жизнь, я до сих пор не могу себе этого простить. Я целиком одобряю одного из своих племянников, крупного американского нейрохирурга, вполне достойного

Нобелевской премии, который бросил исследовательскую работу из-за отвращения к вивисекции. Надо в некоторых случаях иметь мужество послать к черту науку!

Я очень любил русскую литературу. Приехав в Париж, я знал ее лучше, чем Бретон или Жид. Между Россией и Испанией существует тайное притяжение, которое проходит над Европой или под нею.

Я ненавижу некоторые фасады кинотеатров, особенно в Испании. Они предельно убогие, и мне становится так стыдно, что я ускоряю шаг.

Я обожаю переодевания - с самого детства. В Мадриде я одевался священником и прогуливался по улицам - это грозило мне пятью годами тюрьмы. Переодевался я и в рабочего. В трамвае никто не обращал на меня внимания. Я словно не существовал.

Вместе с одним приятелем в Мадриде мы любил разгильячиться из себя грубиянов и мужланов. Заходили в какую-нибудь таверну, и я говорил хозяйке, подмигивая: «Дайте-ка банан моему другу, вот будет потеха!». И тот съедал его вместе со шкуркой.

Однажды я оделся офицером, прицепился к двум артиллеристам, которые не отдали мне честь, и отправил их к дежурному офицеру. В другой раз вместе с Лоркой, тоже переодетым, мы встретили известного тогда поэта, которому было суждено умереть молодым. Федерико стал его оскорблять. Поэт нас не узнал.

Переодевание - удивительная штука. Рекомендую попробовать. Оно позволяет увидеть иную жизнь. Если вы рабочий, вам механически дают самые плохие спички. Не уступают дорогу. Девушки не смотрят на вас. Слово этот мир - не для вас.

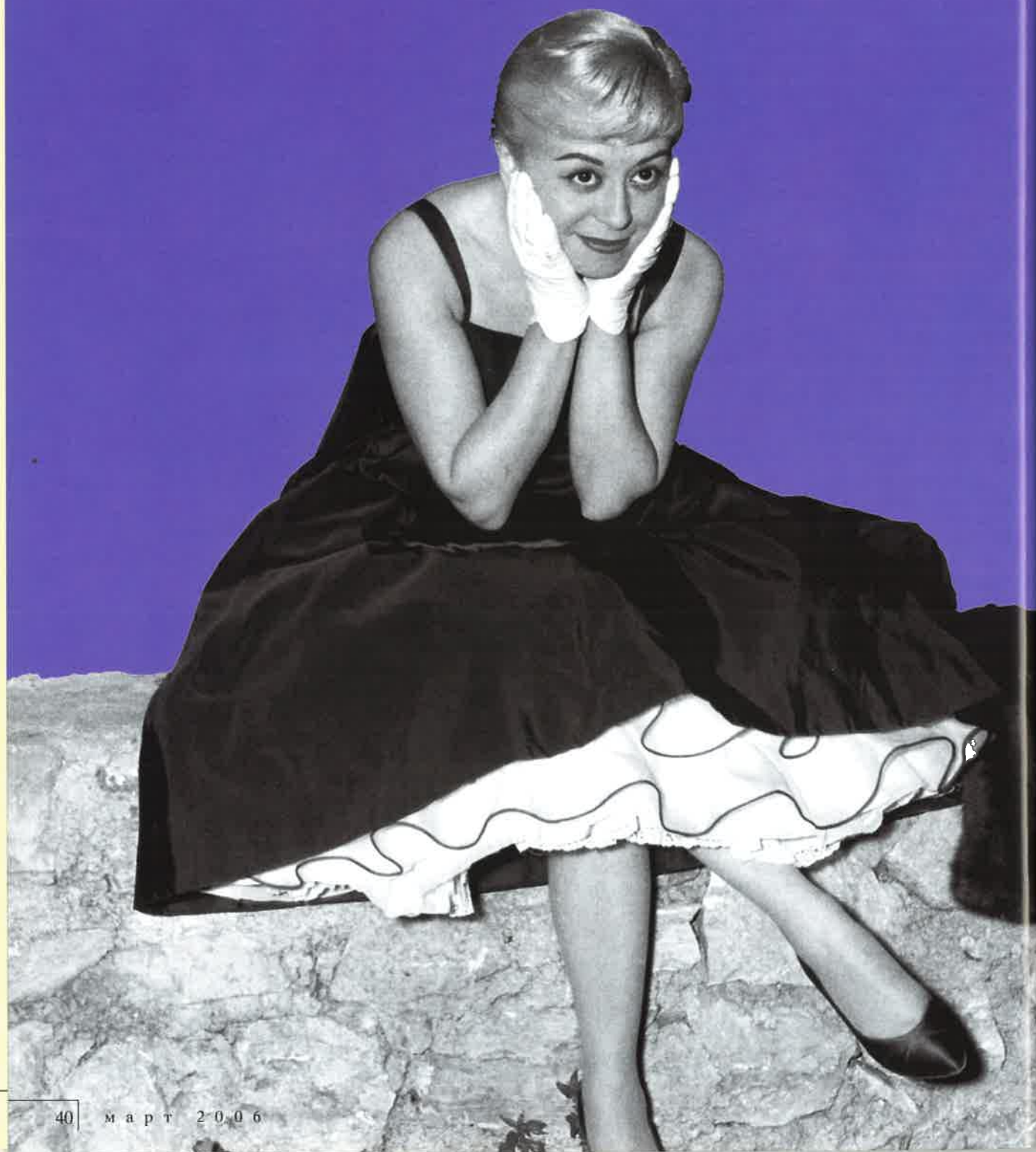
Я смертельно ненавижу банкеты и вручение призов. Эти церемонии подчас кончались конфузом. В 1978 году в Мехико министр культуры вручал мне Национальную премию искусств - прекрасную медаль из золота, на которой было выгравировано: Bufiellos, что по-испански означает «пирожок». За ночь эту надпись исправили.

В другой раз на банкете в Нью-Йорке мне вручили раскрашенный диплом, в котором говорилось, что я сделал «безмерный» вклад в развитие современной культуры. При этом в слове «безмерный» была допущена орфографическая ошибка, и ее тоже пришлось исправлять.

Я люблю селедку с постным маслом, как ее готовят во Франции, сардины по-арагонски, маринованные в оливковом масле, с чесноком и тмином. Люблю копченую семгу, икру, но вообще-то мои вкусы просты и незатейливы. Я не гурман. Два яйца под майонезом доставляют мне большее удовольствие, чем «лангусты по-венгерски» или «запеченная в тесте шамборская утка».

Я ненавижу тиражированную информацию. Чтение газет - самое беспокоящее меня зло в мире. Если бы я был диктатором, я бы разрешил издание только одной газеты, одного иллюстрированного журнала, да еще под наблюдением строгой цензуры. Причем цензура ведала бы только информацией, не посягая на свободу мнений.

От стесненного ДО ВЕЛИКОГО

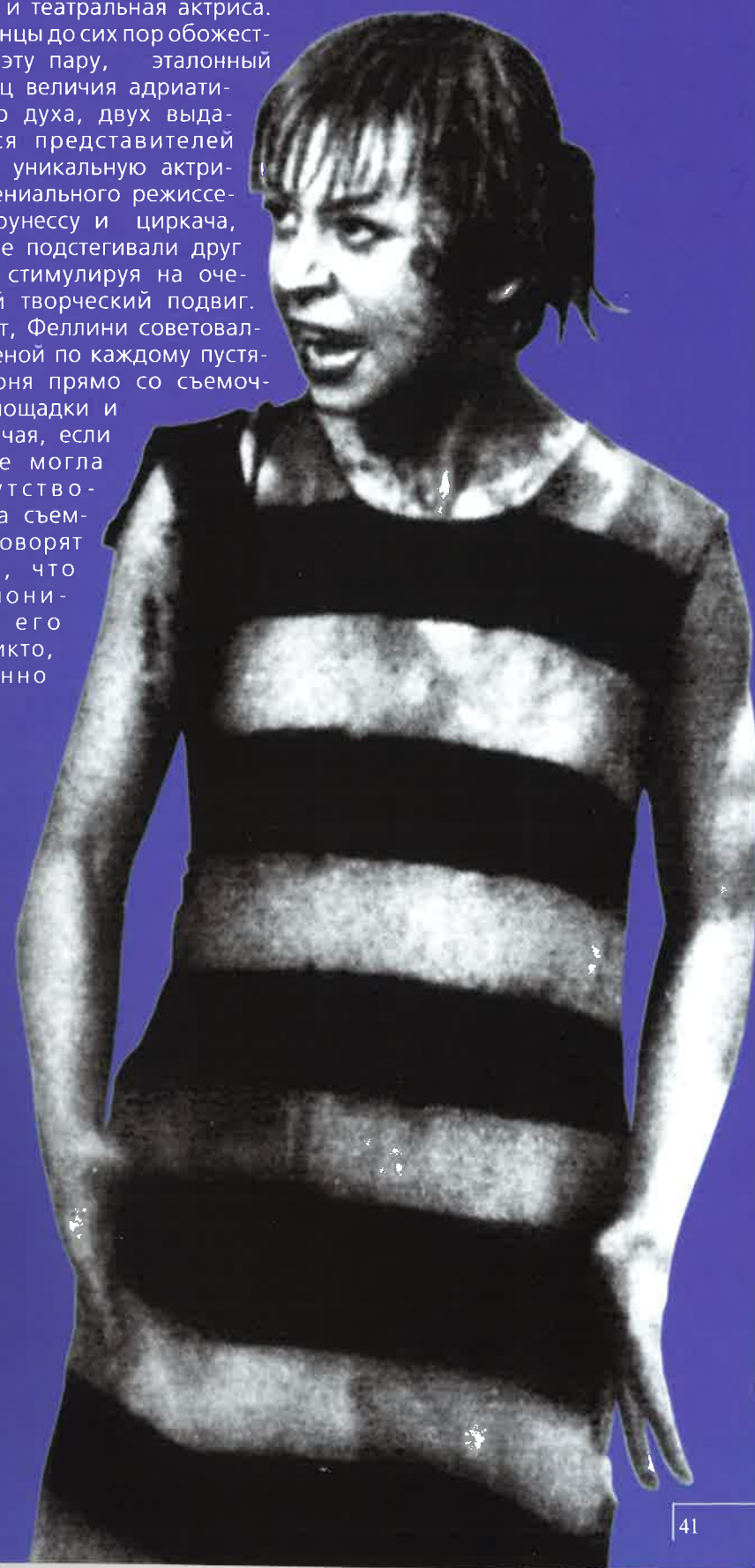

Для начала — немного арифметики. Джульетта Мазина, одна из величайших актрис XX века, которой восхищались ни кто иной, как сам Чаплин, сыграла в двадцати семи фильмах. Из них лишь четыре можно назвать значительными, достойными упоминания. Остальные семь, снятые самим Феллини, с которым Мазина прожила ровно полвека, — выдающимися. Два из этих семи — «Дорогу» и «Ночи Кабирии» — величайшими шедеврами.

Джульетту Мазину будут помнить всегда, в пантеон великих она вошла легко и играючи; и тем не менее до слез обидно, что за столь длинную творческую жизнь эта уникальная актриса сыграла так мало, почти все время находясь в простом. Причем по собственной воле: Мазина отвергала лестные предложения, отказывалась от астрономических гонораров, не хотела подписать выгоднейший контракт с Голливудом. Еще бы — после «Ночей Кабирии» любой сценарий, даже написанный Антониони, казался ей мелким, а роль проходной. Парадоксальная судьба: другие актеры постепенно набирают силу, оттачивают мастерство, изо всех сил стараясь попасться на глаза хорошему режиссеру; Джульетта Мазина в самом начале своего пути взяла такую недостижимую ноту, поднялась на столь головокружительные вершины, что потом почла бы за позор опуститься хотя бы на миллиметр ниже. Ко всему прочему, когда говорят о Феллини, отсчет идет отнюдь не на миллиметры; от других режиссеров (даже от Антониони), не говоря уже о прочих — его отделяет пропасть.

Короче говоря, не совсем понятно, на счастье или на беду они встретились — юный, безобразно худой мальчишка, пописывающий скетчи и

подрабатывающий в женских журнальчиках, и уже в ту пору известная радиожурналистка и театральная актриса. Итальянцы до сих пор обожествляют эту пару, эталонный образец величия адриатического духа, двух выдающихся представителей нации, уникальную актрису и гениального режиссера, клоунессу и циркача, которые подстегивали друг друга, стимулируя на очередной творческий подвиг. Говорят, Феллини советовался с женой по каждому пустяку, звоня прямо со съемочной площадки и нервничая, если она не могла присутствовать на съемках. Говорят также, что она понимала его как никто, особенно

Кадры из фильма «Ночи Кабирии»

когда Феллини прямо на ходу сочинял свои байки. Известно, что Феллини всегда создавал собственный образ, придумывал себя: врал, что был нерадивым учеником в школе (на самом деле учился прилежно), что сбежал из дому с циркачами (и в помине не было), кичился своей необразованностью (тоже ложь - все, что нужно, он прочел и очень внимательно) и так далее и тому подобное. Так вот Мазина никогда не опровергала его, она не принадлежала к числу нудных педанток, во всем доискивавшихся правды. В самом деле оба жили в придуманном, волшебном мире, где всегда есть место феерии, празднику, веселой мистификации; оба, и Феллини в первую очередь, ненавидели прозу жизни, скуку существования, стараясь не замечать тоскливой обыденности.

Между тем все было не так просто. Феллини, как человек остро чувствующий красоту и женскую в том числе, прославился своими многочисленными романами, о которых он просто не мог молчать. Удивительно, что свои похождения он не скрывал и от жены, более того - она первой узнавала о них, преданная confidentка, вынужденная выслушивать исповеди своего мужа. Их отношения вопреки бытующей в Италии легенде были далеки от идеальных: говорят, Мазина нарочно курила при Федерико, не переносившем табачного дыма, спорила с ним и не давала спуска даже прилюдно. Парадоксально, что Феллини, раскрывший потенциал великой актрисы и настоящий на участии Мазины в «Дороге», в то же время не умея обходиться без жены, закрыл ей дорогу к большому кино. Актриса ее уровня могла бы сниматься гораздо больше. Отголоски их непростых отношений видны во многих картинах Феллини: и в «Восьми

Кадр из фильма «Джульетта и духи»

половиной», где Гуидо, alter ego режиссера в исполнении Мastroяни, все время ищет забвения в объятиях красивых женщин, и даже в «Дороге», где кроткую Джельсомину терзает жестокий Дзампано. Но более всего - в «Джульетте и духах», фильме, где Феллини пытался раскрыть внутренний мир стареющей женщины, бесконечно одинокой и страдающей ревностью. Между прочим сама Мазина с блеском парировала удар, заявив как-то, что комплексы и фобии главной героини фильма скорее отражают комплексы и фобии самого Феллини гораздо больше, нежели ее собственные. В эти же годы вышло откровенное интервью Мазины, данное ею критику Туллио Кедзиho, где она прямо заявляла, что муж нетерпелив и своевластен с нею, что и она имеет право

на собственное мнение. Кстати говоря, Мазина презирала свой персонаж из «Джульетты и духов», не соглашаясь с феллиниевской трактовкой героини, смиренной и робкой: «Я бы ему голову размозжила, не дала бы спокойно улизнуть от меня».

Впрочем, никто и не предполагал, что отношения двух таких ярких личностей могут быть совершенно идиллическими. С другой стороны, итальянцы, воздвигнувшие эту пару на постамент, по-своему правы: от Феллини и Мазины остались великие произведения искусства, а из какого сора они выросли по большому счету не наше дело.

Ко всему прочему эти самые великие произведения, судя по всему, могли появиться из магмы сложнейших отношений притяжения-отталкива-

ния; при всем раздражении, которое они порой внушали друг другу, их притягивало, как магнитом. Драма Джульетты Мазины стала одновременно и ее триумфом: едва начав нащупывать свой путь, отличный от мужского, она повстречала самого необычного человека, которого можно только вообразить, личность той редкой породы, которых земля родит раз в тысячелетие. Сопротивляться натиску такого человека совершенно бесполезно; искать свой путь в лабиринтах его воображения, под его гнетом и в лучах его гениальности трудно. И тем не менее Мазина этот путь нашла, став одновременно и порождением его фантазии, и самой собой. Только у нее могла быть такая улыбка, до сих пор приводящая в смещение, улыбка сквозь слезы, заворота-

живающая смесь отчаяния и надежды, поднимающая финал «Ночей Кабирии» до античного состояния катарсиса. Только у нее мог быть такой взгляд потерявшей собачонки, как говорил Феллини, взгляд детски-чистый, и в то же время нахально-озорной.

Кто сказал, что актеры суть полые существа, сосуды, в которые можно влить что угодно? (А в Средневековье еще и дьявольские отродья,

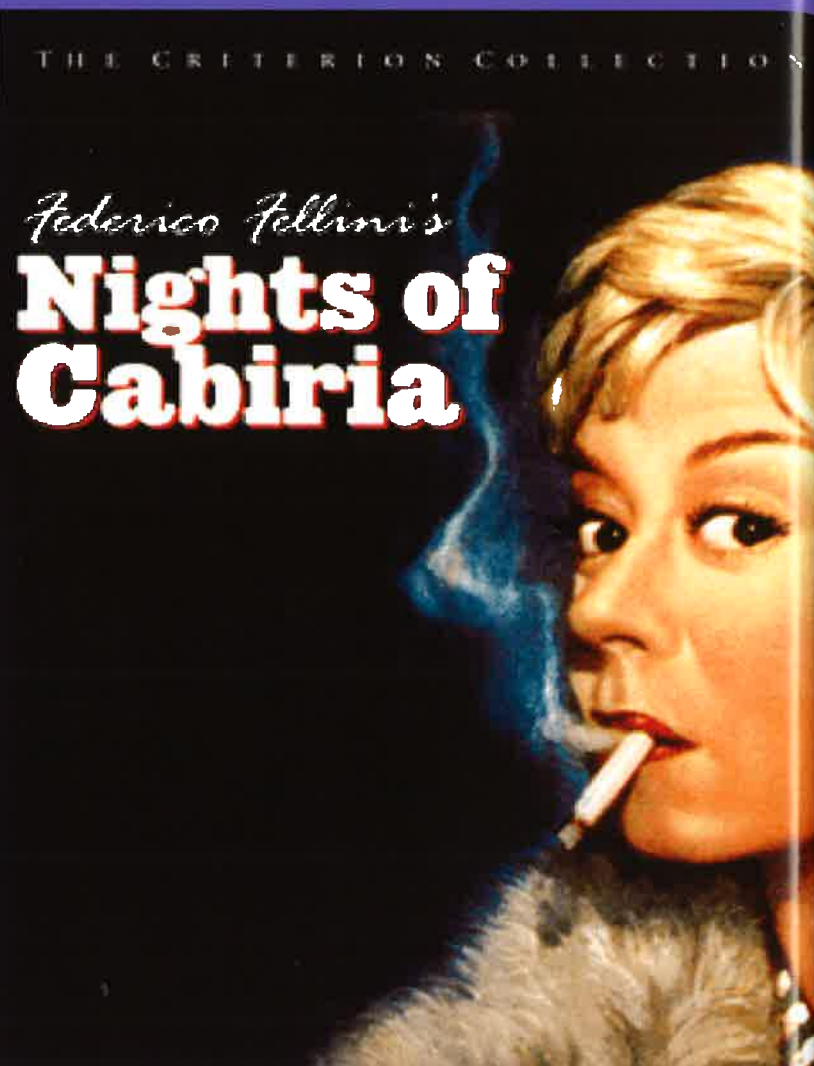

Рисунок Ф. Феллини

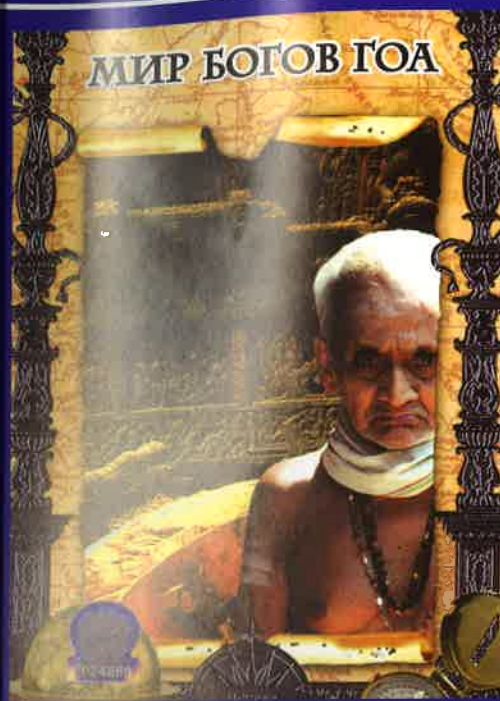
притворщики, манипулирующие нашим сознанием.) Подобные Джульетте Мазине (а их немного) превосходят все наши представления, и не только об актерской игре. Представления о мире, каким мы его знали до просмотра «Дороги», - тоже.

Невыносимая легкость бытия - хорошее словосочетание для определения жизни и судьбы Джульетты Мазины, всего на пять месяцев пережившей своего обожаемого мужа; для женской ипостаси гениальности, спрятанной в хрупком теле маленького клоуна, забавной римской проститутки с широко распахнутыми глазами, вечно жаждущими счастья.

Дилара ТАСБУЛАТОВА.

Джульетта и Федерико

«МИР БОГОВ ГОА»
Фильм - в духе «Непутевых заметок». Добрым голосом ведущий расскажет о заморских диковинах, пестрые краски и экзотичные обряды повысят восприятие до тропического градуса. Масса аудиовизуальных удовольствий, и все это - не покидая родного дивана. Одним словом - замечательный вояж без излишних телодвижений.

МЕЛОМАН

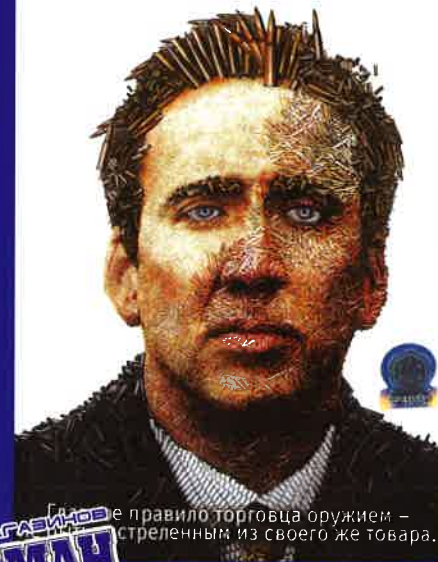
«Кем быть, каким быть», выпуск 2

Когда мы говорим (или будем говорить) своим детям и внукам: «Ну что ты смотришь всякую ерунду, вот мы в детстве смотрели настоящие мультфильмы!», то дальше это подкрепляется сетованием: «А теперь их по телевизору не показывают!» Показывают, конечно, только искать надо. А вот в «Меломане» уже все есть, лежит на полках и ждет вас и ваших детей. В сборнике - чудесные советские вещи, навевающие ностальгию. Тут вам и про «большую сладкую конфету», и много чего еще. Купите - сделаете своим малышам подарок.

Продолжение сборника советских мультфильмов выпустила компания «Союз - видео», продолжительность - 95 минут. На кассете есть «Что такое хорошо и что такое плохо», «Хочу быть отважным», «Зеркальце», «Как стать большим», «Баранкин, будь человеком», «13-й рейс», «Федорино горе» и «Кем быть».

НИКОЛАС КЕЙДЖ ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН

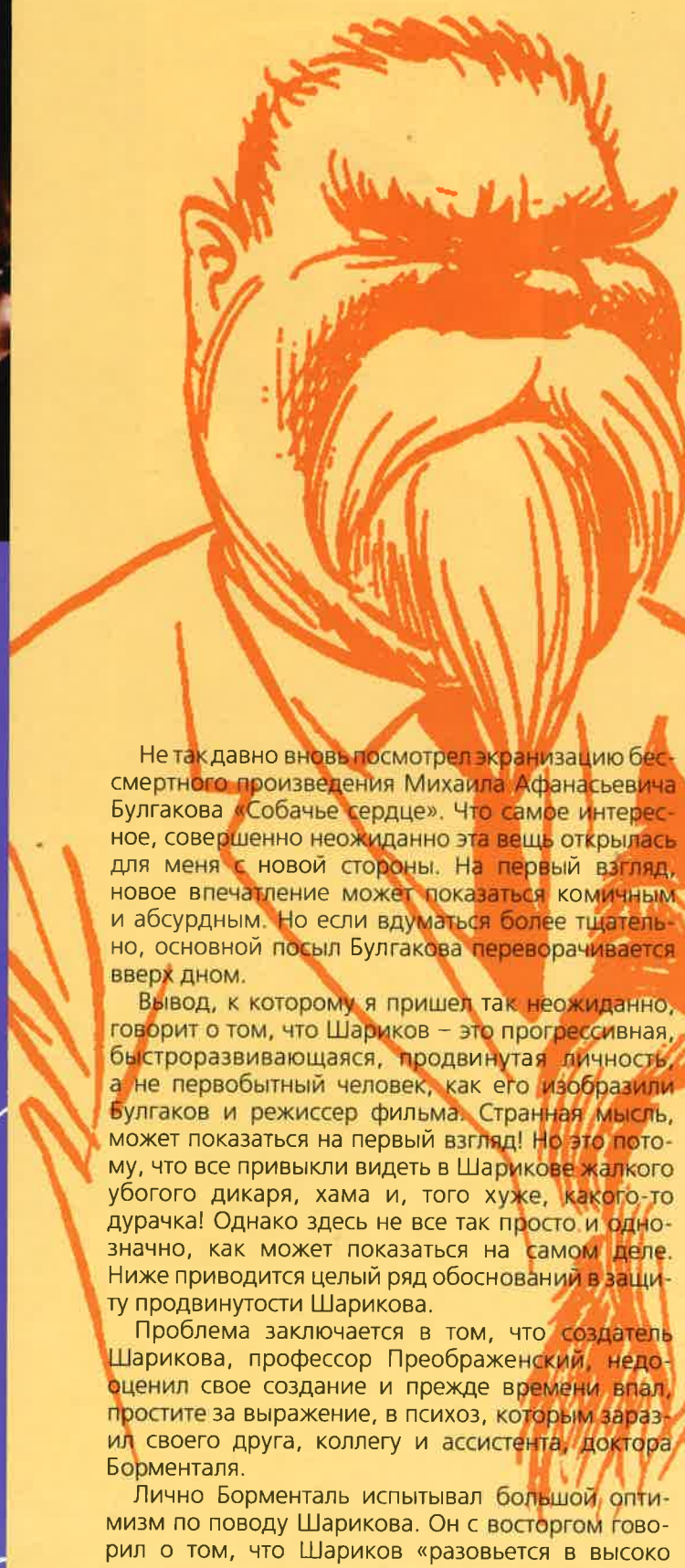

«Оружейный барон»

(Lord of War)

Криминальная драма. Режиссер - Эндрю Никкол. В ролях - Николас Кейдж, Джаред Лето, Бриджит Мойнахан, Йен Холм, Евгений Лазарев, Итан Хоук. США. 2005. 122 мин. Бюджет: \$50 млн. Сборы по миру: \$40 млн.

Фильм-притча о том, как можно продать душу дьяволу и стать очень богатым. Но не ждите, что вам покажут Сатану во плоти. Никаких мистических спецэффектов, все намного проще - и страшнее, поскольку абсолютно реально: войны идут повсеместно, а значит, «оружейные бароны» не страдают из-за отсутствия спроса на их товар. Фильм достаточно серьезный - расслабиться перед экраном в данном случае не удастся. Николас Кейдж в главной роли вполне убедителен, показывая нравственное опустошение своего героя.

Шариков – не такой глупый и дикий... Скорее всего, он символ прогресса и успеха

Не так давно вновь посмотрел экранизацию бессмертного произведения Михаила Афанасьевича Булгакова «Собачье сердце». Что самое интересное, совершенно неожиданно эта вещь открылась для меня с новой стороны. На первый взгляд, новое впечатление может показаться комичным и абсурдным. Но если вдуматься более тщательно, основной посыл Булгакова переворачивается вверх дном.

Вывод, к которому я пришел так неожиданно, говорит о том, что Шариков – это прогрессивная, быстроразвивающаяся, продвинутая личность, а не первобытный человек, как его изобразили Булгаков и режиссер фильма. Странная мысль, может показаться на первый взгляд! Но это потому, что все привыкли видеть в Шарикове жалкого убогого дикаря, хама и, того хуже, какого-то дурачка! Однако здесь не все так просто и однозначно, как может показаться на самом деле. Ниже приводится целый ряд обоснований в защиту продвинутости Шарикова.

Проблема заключается в том, что создатель Шарикова, профессор Преображенский, недооценил свое создание и прежде времени впал в психоз, которым заразил своего друга, коллегу и ассистента, доктора Борментала.

Лично Борменталь испытывал большой оптимизм по поводу Шарикова. Он с восторгом говорил о том, что Шариков «разовьется в высоко-

психическую личность!» А Преображенский действительно совершил переворот в науке, только ему не хватило выдержки наблюдать развитие событий.

Борменталь, что называется, смотрел в корень. Если внимательно следить за Шариковым на протяжении всего произведения, то можно увидеть, как тот постоянно прогрессирует. С самого начала у него когти сменились на ногти, которые росли прямо на глазах. Не успел отвалиться хвост, так Шариков уже начал разговаривать. К примеру, человечеству, чтобы заговорить, понадобилось бы вестись сколько времени, а здесь – такие дикие скачки развития. Немногом позже недавний пёс вообще начал играть на балалайке!

Многие ли из нас могут похвастать тем, что сыграют на музыкальном инструменте с первого раза?! Но в произведении тем самым лишь подчеркнуто то, что Шариков – это молниеносно развивающаяся личность. Если бы профессор в конце романа не обратил бы Шарикова в собаку, то еще неизвестно, каких бы высот тот достиг!

По большому счету Шариков раздражал Преображенского исключительно дурными манерами, сальными словечками, отсутствием некоего условного воспитания, принятого в высшем свете, и – мелкими пакостями. Все! Более ничего страшного! Просто Шариков был мелким пакостником, какими бывают малые дети. Да и откуда у него взяли бы манеры? Сами же знаем: толь-

ко хвост недавно отвалился. Видимо, Филипп Филиппович ожидал увидеть некое существо аристократического порядка. Не узрев же изысканных манер, профессор дико разочаровался. Крушение надежд переросло в отчаяние.

Но поскольку Шариков был динамично развивающейся системой, его можно было обучить и манерам. Вопрос лишь в том, что Преображенский был великим хирургом, научным светилом, однако при всем при этом оказался плохим воспитателем! Он так и не сумел обуздать жаркий темперамент своего детища. Зато поспешил быстро объявить его дикарем и возненавидеть.

Если вспомнить фильм, то там отчетливо показано, что от профессора и его ассистента постоянно исходили сплошные запреты: не делай то, не делай это, а то вообще запрещено! В таких условиях взроет не то что собака, но и любой человек. С точки зрения педагогики и воспитания, сплошные запреты приводят к взрывам психики, внутреннему протесту, нагнетанию, срывам, увеличению комплексов, разрастанию эффекта «джинна в кушине» и прочему набору неприятных вещей.

В произведении нигде не показано, чтобы профессор и его коллега «дали бы чему-то зеленый свет», научили бы Полиграфа Полиграфича что-то делать. А фраза: «Молчать и слушать!...» – вообще может довести до белого каления. Помнится, они пробовали приобщить его к чтению, однако книгу дал все тот же «дурак» Швондер. «Самый главный дурак» почему-то догадался снабдить Шарикова литературой. Другой вопрос в том, что книга оказалась не та. Но это уже не так важно. Хотя кто знает, быть может, именно хорошая книга наставила бы его на путь истинный.

Зато Швондер, которого профессор также не считал человеком, как раз-таки сумел обуздать это научное чудо и найти общий язык с Шариковым. Причем парочка сумела подружиться благодаря именно общей неприязни к Преображенскому. С одним он не хотел делиться комнатами, и смог «отстреляться» при помощи высокого покровителя, а другому «не давал жить свободно».

В фильме не показан один очень важный эпизод, но рискну предположить, что Швондер с Шариковым даже выпивали вместе долгими зимними вечерами. Именно совместные возлияния, как известно, и сближают людей. Символом доверия домкома «собачьему отродью» явилось то, что он доверил Шарикову деньги на покупку учебников, а тот, подлец, куда-то пропал с каской. «Собака!» – сказал в сердцах домком про Шарикова. Но это их не рассорило никоим образом.

Одним из основных доказательств того, что Шариков – это динамично развивающаяся личность, является то, что он, хоть и вел разбитной образ жизни, делал мелкие пакости, все же не стал брать длинный нож и пистолет, и не пошел на

большую дорогу заниматься грабежами и убийствами. Шариков – не кровожадное существо. Но именно жестокость и кровожадность и присущи дикарям, как принято считать. А оснований делать это у него было предостаточно! Он ведь был все-таки дикарем, по Булгакову! А с дикаря нет никакого спроса!

Вначале Шариков начал ходить по пивным да по кабакам. А что делать? Трансформация из собачьего состояния в человеческое – вещь психологически сложная. Быть может, не каждый смог бы правильно и достойно выдержать это испытание. Да, Шариков какое-то время «безобразничал»: то мадам Полосухину ущипнул за грудь, то частушки пел матерные, то за котами гонялся. Но мадам Полосухину он ущипнул в лифте за грудь вполне обоснованно. Она его оскорбила, назвав собакой.

Если вспомнить дальше, Шариков «вытворял безобразия» все меньше и меньше. Он все больше и больше приобщался к традиционным ценностям. Такая важная вещь, как коэффициент адаптации, в Шарикове была невероятно высока.

Позднее профессора стало раздражать то, что Шариков живет «на халяву!» Помните, как Шариков спер червонец из смотровой, а затем пропил его?

Все верно, откуда Шарикову взять деньги? Он же нигде не работал. В том есть вина и профессора Преображенского. Не смог он устроить трудовую терапию своему подопечному, жаждущему бурной деятельности.

И снова на помощь Шарикову приходит злейший враг Преображенского, Швондер. С одной стороны, Шарикову уже обрыдло сидеть дома, ничем не заниматься и пьянствовать. Кипучая энергия Шарикова потребовала выхода. Выходом оказалась охота на котов. А на кого же еще? Нет в мире вреднее существа!

Второе доказательство того, что Шариков является высокоразвивающейся личностью – это борьба за свои права! Шариков, по сути, борец! А кто из человеческих существ может похвастаться бойцовскими качествами? Только отдельные личности! Основная же масса подчиняется ограниченной группе.

Вспомните, как Шариков начал требовать у профессора документ, на основании которого ему должны выдать пропуск, путевку в жизнь – паспорт. Он хотел встать на воинский учет, но воевать не желал никоим образом. Зачем воевать, ведь так хочется жить! Он это понимал очень хорошо! Профессор снова начал возмущаться и морщиться по этому поводу вместо того, чтобы помочь устроиться в жизни своему детищу.

И снова на помощь приходит Швондер. Это он помогает устроиться Шарикову на работу. Причем на руководящую! Не каждому из представителей homo sapiens удастся сделать хорошую карьеру.

А вот у Шарикова это начало получаться! То, что Полиграф Полиграфыч скоро перестанет охотиться за кошками, признавал даже Преображенский. В разговоре с Борменталем он как-то сказал, что это временно. И это оказалось правдой!

Хотя Шариков небезосновательно гонялся за кошками, они их не зря «душили, душили»! «душили, душили»!... Они их потом пускали на мех, «чтобы делать белку на рабочий кредит»! Иными словами, здесь присутствует рациональное зерно, некое экономическое обоснование и деловая жилка, и даже хватка. А сколько человек убивает животных и даже себе подобных просто так, исходя из животных инстинктов, - не сосчитать! Звериную жестокость человека порой ничем нельзя оправдать.

Когда Шариков пошел вверх по карьерной лестнице, он забыл о своем пристрастии. На горизонте появились дела масштабнее и серьезнее.

Когда у Шарикова появилась хорошая должность, он, наконец, решил жениться, для чего нашел и женщину. Да, она была зависима от него в результате должностного подчинения. Но ведь он хотел официально оформить с ней отношения, а не делать ее любовницей, от которой потом можно будет избавиться, как от ненужной вещи. И снова в личные дела и благородные намерения вмешался «злой профессор» и сломал счастье молодым! Когда человека разлучают с любимым, кто угодно может выйти из себя, разозлиться или же надолго погрузится в тоску! Шарикову и здесь обломали личную жизнь!

Видимо, проблема заключалась в дефиците жилплощади, а профессор не хотел терпеть у себя дополнительных жителей. Вполне возможно, что если бы Шариков дальше рос по карьерной лестнице, ему дали бы отдельное жилье, и он смог бы съехать от профессора и больше не мозолить ему глаза. Возможно, Шариков смог бы рассчитывать с ним деньгами. Радоваться нужно, что твое детище такое успешное.

Но этого почему-то не произошло! Когда Шариков вышел на большой старт своего развития, неизвестно, чего бы он еще смог достичь, однако его снова обращают в собаку! Профессор, наверное, испугался того, что Шариков получит большую власть и расправится с ним. Он стал опасен лично для профессора в результате очевидно-го и переживаемого межличностного конфликта.

Так в чем заключается основная идея Булгакова, выраженная им в «Собачем сердце»? Почему здесь прослеживается такое явное противоречие и парадокс?

Очевидно, что сам Булгаков был диссидентом, и всячески старался бороться с советской властью хотя бы на страницах романа. Похоже, профессор Преображенский и есть сам Булгаков, который «не любит пролетариат», рекомендует избегать чтения большевистской прессы до обеда и после.

Его все раздражало в новой власти. Как известно, большевики пришли к власти не в белых перчатках. Они устроили настоящую мясорубку. А потом толком не могли навести порядок, в стране царила разруха. Разруха была еще и в головах! Конечно, представителей старого сословия, к числу которого принадлежал сам Булгаков, новая власть не пощадила, пропустив через общую мясорубку. Вот отсюда и разрастается весь антагонизм и противоборство сторон: Преображенский против Шарикова (коммунистов). Именно эта мысль о противоборстве и ясна. И еще, наверное, Булгаков хотел сказать, что нельзя построить нормальное общество в условиях разрушения первооснов при помощи дикарей.

В результате в свете ненависти Булгакова к Шарикову, как символу коммунизма, Полиграф Полиграфыча дружно объявили дикарем и не разглядели динамично развивающейся личности.

На самом деле Шариков - не такой уж фантастический и нереальный персонаж. Он - очень даже жизненный тип. И встречается намного чаще, чем это может показаться. Много ли вам попадается людей, которые являются достаточно преуспевающими, при том, что в прошлом были не очень состоятельными в материальном отношении людьми. К Шариковым относятся неоднородно: ими гордятся, им завидуют, их могут даже не любить и презирать, но также их могут и уважать. Некоторые про Шариковых говорят «Из грязи да в князи». Иные утверждают, что они сделали сами себя и являются примером для подражания и гордости. Про них пишут романы и статьи. Про них снимают фильмы.

Шариков может быть символом жизнеспособности. Хотя в личном отношении он, конечно, не самый приятный тип. Истории многих людей, добившихся оглушительных успехов, до боли напоминают историю Шарикова. Президенты, бизнесмены, ученые, художники и многие другие, всех не перечислить, все они - Шариковы. Начинали не в самых лучших условиях, но каким-то образом им удалось сделать многое.

Кроме этого, Шариковым может быть не только человек. Им может быть целая страна. К примеру, США во многом подпадают под это понятие. С одной стороны, эту страну и народ уважают, с другой стороны, презирают за излишний гегемонизм и стремление к мировому господству. США - это страна с неглубокими корнями, как принято считать. Как шутили в КВН, американцы - это нация, которой нечего сказать, и она очень хочет об этом поговорить.

Так что дело Шарикова живет и процветает!

Петр НОВИКОВ
электронный адрес автора
martinyhop2003@mail.ru

Говорят, что полкорн - единственная область современной кинопромышленности, в которой хороший вкус все еще что-то значит. Соглашаться с этим или нет - решать зрителям. Но неоспоримый и жирный плюс в нынешнем кино все-таки есть - это зрелищность. И появилась она благодаря тем первопроходцам, которые смогли внедрить в кино частицу компьютерных технологий, а именно 3-D-анимацию. Появилась она и у нас. Одними из подобных «пионеров Отчества» являются студенты КИМЭПа Алихан Омирбеков и Иван Масютин, организовавшие с друзьями творческую группу CreatTeam.

- С чего началось ваше увлечение 3-D-графикой?

- (Алихан) Все это началось еще в школе. Однажды мой одноклассник принес в класс

3-D-ГРАФИКА:

мечтать не вредно!

обучающую книгу по 3-D Max'у. (Кстати, с ее автором Михаилом Маровым Алихан долгое время переписывался, тот положительно отзывался о его работах. - Авт.). Мне стало интересно, и я решил, что я ничем не хуже других. В общем все-рез занялся изучением трехмерной графики, и в конечном счете буквально помешался на ней.

- (Иван) А познакомились вы с Алиханом, уже будучи студентами. У нас есть общий приятель, и однажды случилось так, что мы встретились все-втроем. Алихан завел свою вечную тему про 3-D, и мы сразу нашли общий язык. С тех пор много чего изменилось - мы организовали свою команду, студию «AI - Animation».

- Какими качествами должен обладать создатель анимационных фильмов?

- (Алихан) Прежде всего верой в свои силы, ведь многие начинают изучать 3-D-графику, а потом бросают, пугаясь сложностей. Также необходимо трудолюбие, ведь создание «мультов» - довольно трудоемкий процесс. Ну и, конечно же, нужны фантазия и воображение - человек никогда не добивается того, чего не может представить собственными руками.

- Каких успехов вы уже добились?

- (Иван) На прошедшем кинофестивале студенческих работ заняли первые места в номинациях раздела «Анимационные фильмы». Теперь нам поступают предложения от разных компаний - создаем рекламные ролики, сайты, плакаты, визуальные эффекты для ночных клубов.

- Связана ли как-то анимация со специальностью, выбранной для обучения?

- (Алихан) Не вполне. Я учусь на финансиста, Иван - на PR-щика. Вообще существует мнение,

что те, кто занимается 3-D-анимацией, или чем-то подобным, обязательно должны быть заросшими, не видящими солнечного света и потерянными во времени людьми. Это не так. Мы обычные парни, умеем правильно отдыхать, вот, например, недавно со своей командой CreatTeam проводили вечеринку в «Армане».

- Откуда черпаете вдохновение, идеи?

- (Иван) В основном - из музыки и хорошего кино.

- Планы на будущее?

- (Алихан) Планы чисто патриотические. Хотим внедрить 3-D-технологии в отечественное кино, чтобы Казахстан стал известным за рубежом и не был хуже других стран в плане производства качественных спецэффектов.

- (Иван) Кстати, мы планируем создать полнометражный анимационный фильм, по качеству не уступающий зарубежным «Шреку» или «Корпорации монстров».

- Примерный сюжет?

- (Алихан) Это пока тайна. Скажу лишь только, что новшеством в нашем фильме будет то, как мы затронем глобальные темы - войну в Ираке, например, и все это будет преподнесено с уместной долей юмора. Кстати, действие фильма будет проходить в Алматы.

- Ваш девиз?

- (Алихан) Я хотел бы привести цитату Льва Толстого, о которой стоит всегда помнить: «Все вокруг свойственно менять, но только не самого себя».

- Удачи!

Дмитрий ХЕГАЙ,
графика творческой группы CreatTeam.

Посмотрел кино и ...

ЗАБОЛЕЛ

Формируя репертуар кино, подчас никто не задумывается всерьез о том, как влияет на нашу психику и самочувствие тот или иной фильм. Хотя, конечно же, мы точно знаем, что после лицезрения убитого человека или сцены откровенного секса в душе остается неприятный осадок.

А вот ученые умы, исследуя воздействие на психику негативных импульсов, утверждают, что стрессовый сюжет сильно влияет не только на наше настроение, но и на здоровье. Почему, например, в последнее время люди согласно статистике избегают смотреть мелодрамы? Ответ прост: слишком много стрессов на работе и дома, поэтому дополнительные нагрузки нервная система уже не принимает. Однако посмотреть хорошую комедию стремятся все - и взрослые, и дети.

Возможно, любой человек все чаще ловит себя на том, с каким равнодушием он взирает на сцены жестокости на экране. Мы тормозим собственное сострадание, чтобы спасти психику от перегрузок, но, к сожалению, подсознание, незаметно для

нас, тормозит его и в отношении ко всему окружающему. Не исключено, что поэтому мир вокруг нас становится все холоднее.

В наше время статистика популярности боевиков у молодежи заставляет задуматься не только психологов, но и все общество в целом. В прошлых номерах «Киномана» мы уже публиковали данные опроса кинозрителей Казахстана. Тогда, в частности, было выявлено, что наибольший интерес к боевикам проявляют в Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях, на втором месте стоят жители Алматинской и Кызылординской областей.

Сопоставление этих данных со статистикой правонарушений за 2005 год дало шокирующий результат: оказывается, самый высокий процент преступлений в Казахстане приходится... именно на эти области!

Так, по количеству тяжких преступлений на первом месте стоит Алматы, на втором - Восточно-Казахстанская область, третьи зани-

мает Карагандинская. Особо тяжкие преступления совершаются в первую очередь в Восточно-Казахстанской области, лишь на 0,1 % отстает южная столица. На третьем месте - Южно-Казахстанская область.

Агрессия в обществе... Решение проблем с помощью агрессии. Наказание зла с помощью зла... Но зло порождает зло, оно же порождает болезни как человека, так и общества. Хирурги-травматологи теперь уже констатируют, что если раньше подростки просто дрались, то сегодня идут убивать. Жуткие реалии!

Закономерность зависимости здоровья от нашего эмоционального состояния доказала впервые Луиза Л. Хей в книге «Исцели свою жизнь, свое тело». Эта книга обошла весь мир. Любой, кто заглянет туда, поймет, что наши болезни в основном вызваны состоянием мыслей и чувств. Раньше душу лечили покаянием и отпущением грехов в церквях, причем совершенно бескорыстно, как учит тому Святое писание. Ну а в наше время этим все больше занимаются психиатры и психотерапевты.

Какие негативные чувства копятся в подсознании человека - такие и болезни проявляются при перенасыщении ими психики. Кто и как воспринимает этот черный поток, рассказывают подчас и сами болезни.

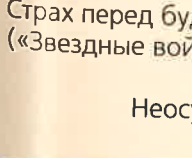
Так, если вы часто испытываете чувство страха

или неуверенности в себе, постепенно поражаются почки. Постоянно посещающие горькие мысли способствуют образованию в почках камней. Гнев или невысказанная ярость заставляют болеть печень и желчные протоки.

При просмотре в кино сцен жестокости, насилия или откровенного секса зритель испытывает ряд типичных эмоций, которые мы попытались сгруппировать в таблице, опираясь на исследования Луизы Л. Хей.

Присмотритесь, возможно, некоторые переживаемые чувства являются причиной и вашего недомогания или развития болезни. К счастью, болезнь, сидящую в организме, оказывается, можно излечить положительными эмоциями. Только необходимо срочно изменить с негативного на позитивный весь спектр поступающей в мозг информации. Интересен тот факт, что в Англии в середине 80-х годов выздоровел безнадежно больной человек после того, как его близкий друг читал ему всего лишь... смешные истории! Об этом писали во всех газетах мира. Отрадно, что у каждого есть шанс стать сильнее и здоровее в жизни, перестроившись на позитивную волну! И в этом нам тоже поможет кино.

А вот и таблица, дополненная в соответствии со спецификой поднимаемой темы, кинематографическими примерами:

Эмоции, вызываемые у разных людей от кинокартин с элементами насилия, жестоких сцен, откровенного секса	Болезни, которые могут проявиться как следствие пережитых эмоций
 Чувство собственной ущербности и невозможности постоять за себя («Убить Билла»).	Амнезия (утрата памяти), анемия.
 Чувство незащищенности от зла, потребность в защите («13-й район»).	Неумеренный аппетит.
 Гневные мысли. Средоточие гнева и примитивных эмоций.	Болезни печени.
 Страх перед будущим. Чувство опасности. («Звездные войны»).	Хронические болезни.
 Неосуществленная месть, гнев. («Крестный отец»).	Депрессия.

Чувство подавленности и отсутствие радости жизни («Про уродов и людей»).

Убежденность, что женщины бессильны.
Удар по женскому самолюбию («Мужчина по вызову-2»).

Бесчувственные партнеры («Чего хотят женщины»).

Секс - это плохо.
Сексуальное давление.
Чувство вины.
(«С широко закрытыми глазами»).

Нежелание принимать мир таким, каков он есть. Бездна (9 рота).

Желание отгородить себя от жизни («Оружейный барон»).

Страх.
Нарушение психики.
Ощущение, что вас пересилили («Кошмар на улице Вязов»).

Ярость. Гнев. Безысходность.

Чувство обреченности («Дети кукурузы»).

Невысказанная горечь («Горькая луна»).

Гнев за подавление личности.
Ненависть к навязанному в жизни («Мотылек»).

Неспособность дышать для собственного блага.
Чувство подавленности («Джен Эйр»).

Не осталось ничего приятного.

Вирусные инфекции. Болезни артерий.

Женские болезни. Вагинит.
Фиброма и кисты.

Фригидность (у женщин).
Импотенция (у мужчин).

Болезнь Альцгеймера (старческое слабоумие).

Склероз.

Болезни почек. Головные боли.
Бессонница. Изжога.

Воспалительные процессы. Панкреатит (поджелудочная железа).

Гастрит.

Герпес.

Воспаление щитовидной железы (зоб).

Астма.

Диабет.

Потребность ума в отдыхе.

Эмоциональное подавление, проблемы («Последний уик-энд»).

Вера в насилие. Бунт против власти.
Неспособность постоять за себя («Заводной апельсин»).

Распаленность, внутреннее кипение.

Внутренние страхи ослабляют мужественность. Начинаете сдаваться.

Черствость, дефицит радости, вера в необходимость напряжения, стресса («Дневной дозор»).

Слабость.

Кровь: пониженное или повышенное давление.

Несчастные случаи. Нервозность.
Нервный срыв.

Ожоги

Простатит

Сердце: болезни

И это далеко не все.

Просто букет моей бабушки! Кстати, о бабушках. В последнее время, как утверждают медики, нарушение функции памяти сильно помолодело. Чаще всего доктора связывают это с психическими перегрузками. Но и психические перегрузки возникают не сами по себе. Обратите внимание на таблицу - амнезия и склероз имеют четкий эмоциональный фактор желания уйти от жестокости жизни, не принимать ее такой, какая она сейчас в сознании большинства есть.

Все-таки душа сопротивляется злу, но несет при этом невосполнимые потери в неравном бою, благодаря неослабевающей мощи агрессии в жизни и на экране. Обида, страх, гнев, подавленность, раздраженность, разочарование - сколько раз мы переживаем эти чувства в течение дня! Правда, в последнее время кто-то все-таки почувствовал перенапряжение общества от негативных эмоций. Все чаще на экране стали появляться не злые и уродливые мультгерои, а забавные и наивные герои сказок. А еще - концерты замечательных артистов, профессия которых - убирать негативные эмоции и заставить зрителя улыбнуться. Улыбающийся человек не может быть злым.

Учить щадить и уважать, а не оскорблять и подавлять - задача здорового общества. Но, увы, пока на экране все, как и в жизни. И опять - зачастую дома и в кино все повторяется по новому кругу - обида, страх, гнев, раздраженность. Организм тормозит психику из последних сил! И вот другой результат торможения, помимо болезни - полное равнодушие к окружающему!

Лечение подавлением эмоций практикуется во всех психоневрологических клиниках мира. Состояние, близкое равнодушию, вызывают сильнейшими анаболиками. Погружение пациента в мир полного безучастия, это метод торможения психоневрозов. Но когда действие лекар-

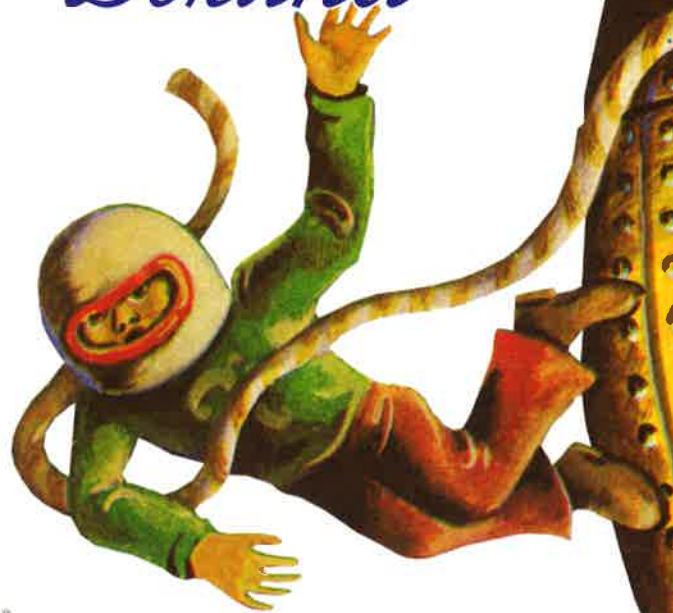
ства заканчивается и человек выздоравливает, он вновь начинает жить в мире, полном сострадания, любви и прощения. А в нашей жизни интенсивное действие кинораздражителя не прекращается. И погружение в мир равнодушия во имя спасения своей души мы совершаем все чаще. Но не дают покоя великие слова: «Лишь с молчаливого согласия равнодушных совершается все зло на земле»... Нам нельзя становится равнодушными.

В США существует жесткий закон, запрещающий показ откровенных сексуальных сцен и жестокости на экране. Закон стал жизненно необходим в 80-е годы, после того, как в обществе начали происходить страшные вещи. Дети расстреливали в школе своих сверстников. Вечером без оружия нельзя было выйти на улицу. Так называемая раскрепощенность стала приводить к растлению целое поколение. От правительства страны потребовалось определенное мужество, чтобы запретить частным кинокомпаниям прокат низкопробных фильмов. Даже в ущерб коммерческой выгоде.

Если показ насилия и ненужных откровений на экране не прекратится, нам не выздороветь от всевозрастающего равнодушия. Но, к счастью, есть еще прекрасные кинокартины и мультипликационные ленты, существует мир волшебной музыки, мир искусства. Это - панацея не только для каждого человека, но и для всего общества. Почему люди назвали «золотым» век расцвета живописи, литературы и искусства? Да потому, что все это вносит в душу, а значит, и в тело золотые молекулы радости, вдохновения, романтики и добра! И возникающие при этом возвышенные чувства лечат и делают общество добрее и целостнее, принимая равнодушие только как необходимый элемент лечения уставшей страдать души.

Лариса ГРЕБЦОВА,
графика Херлуфа БИДСТРУПА.

Космические приключения Джина

На синих волнах океана качалась зеленая бутылка. Происки неудачливых мелких волшебников довершили свое черное дело — наш старый знакомый, добродушный Джин, был снова заключен в бутылку.

Приятно отдохнув от завистливых коллег, Джин вытащил штопор, втянул пробку вовнутрь и с радостным смехом вырвался на свободу!

Чего-чего, а смекалки ему было не занимать.

Джин мог превращаться в невидимку, мог извергать мол-

нии, мог из камней делать алмазы.

Единственное, чего он не умел, так это читать. Иначе бы ему сразу стало ясно — он случайно забрел на космодром.

«Такого я не видел нигде!» — изумленно разглядывал он диковинные ракеты.

А на космодроме шла обычная жизнь — 5 класс «А» отправлялся на экскурсию на Луну.

Ребята хотели испытать самодельный луноход и увидеть настоящий лунный камень. Робот строго проверял дневники. Отличников он приветливо приглашал в космический корабль. Остальные томились в

сторонке, завистливо поглядывая на улетающих счастливых.

Стойкий двоечник Жуман Батыров понял, что

робот не пропустит его в ракету. Он спрятался среди грузовых контейнеров и срочно стал переправлять двойки на пятерки. Но для этого тоже нужно было умение. Вскоре в дневнике зачернели дырки от резинки. Силы у него было больше, чем сноровки. Недаром его дразнили Жынды-батыром, что означает по-казахски богатырь-дурак.

Робот сразу разгадал подделку. С гневным ревом бросился он на обманщика. Но тот внезапно куда-то исчез.

Жынды-батыру неожиданно повезло. В ящике, куда он спрятался, были конфеты! Он засунул в рот сразу три штуки. А ящик скрылся в люке грузовой ракеты.

Мчащийся робот чуть не сбил с ног зазевавшегося Джина. С ужасом смотрел Джин на железного человека с горящим глазом на лбу.

«Спасите, спасите!» — закричал наивный Джин, пускаясь наутек.

Квадратное чудище с грохотом преследовало беднягу по пятам. Джин увидел какой-то белый ящик и юркнул в него. А это оказался холодильник с мороженым, и он, как и ящик с конфетами, поехал по транспортеру в ракету.

Ракеты задрожали, извергая дым

и пламя, и взлетели в голубой Космос. Жынды-батыр понял, что попал в грузовую ракету, идущую следом за звездолетом со школьниками, и очень обрадовался. Он жевал конфеты и распевал песенки.

Вдруг Жынды-батыр свистнул от радости — он увидел холодильник. «В нем наверняка мороженое!» — подумал он. Но когда он рванул дверку, на него из холодильника вывалился дядя в трусах и

с хвостом! Дядя был в замороженном состоянии, и на носу его висела сосулька!

Внезапно загорелось табло — «Невесомость». «Что за штука такая?» — с ужасом думал двоечник, плавая с дядей в воздухе.

Но вот табло погасло и они упали на пол. Дядя с хвостом ударился головой о холодильник и очнулся. Он взвыл от боли, бросился к двери и начал дергать ручку.

Двоечник оттащивал дядю за хвост. «Мы погибнем, — кричал он. — Там же Космос!»

«О маленький злой волшебник! — упал Джин на колени. — Верни меня на Землю! Зачем ты сделал меня невесомым, как перышко?!»

Жынды-батыр молчал — он пытался управлять ракетой. Из пульта управления летели электрические разряды. Шел дым. Джин, превратившись в муху, тщетно искал щелочку в герметической каюте. «Мы закупорены, как в бутылке!» — с ужасом думал он.

Неуправляемая ракета чуть не врезалась в звездолет со школьниками. «Зачем ты, безграмотный человек, влез в ракету?!» — прокричал Джин.

— А ты? Джин, называется! Что ты за волшебник, освободить нас не можешь?! — хныкал двоечник.

— Я бессилен! Тут автоматика! — плакал тот.

Внезапно в ракету врезались метеориты. Они пробили стенки каюты.

— Ой-бай! Полундра! — крикнул Джин, падая на колени.

Космический ветер выдул их из кабины корабля. Джин едва успел схватиться за аварийный трос, а Жынды-батыр — за Джина.

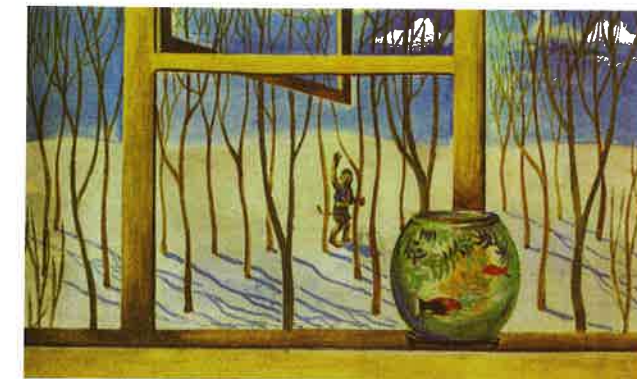

Но Джин сорвался, и они полетели вниз прямо на кратеры Луны. Гулкий удар потряс почву. Горе-космонавты по самые уши провалились в глубокую пыль. На счастье, прикатили на луноходе ребята и спасли их. Джин так им понравился, что они уговорили его учиться с ними в одном классе.

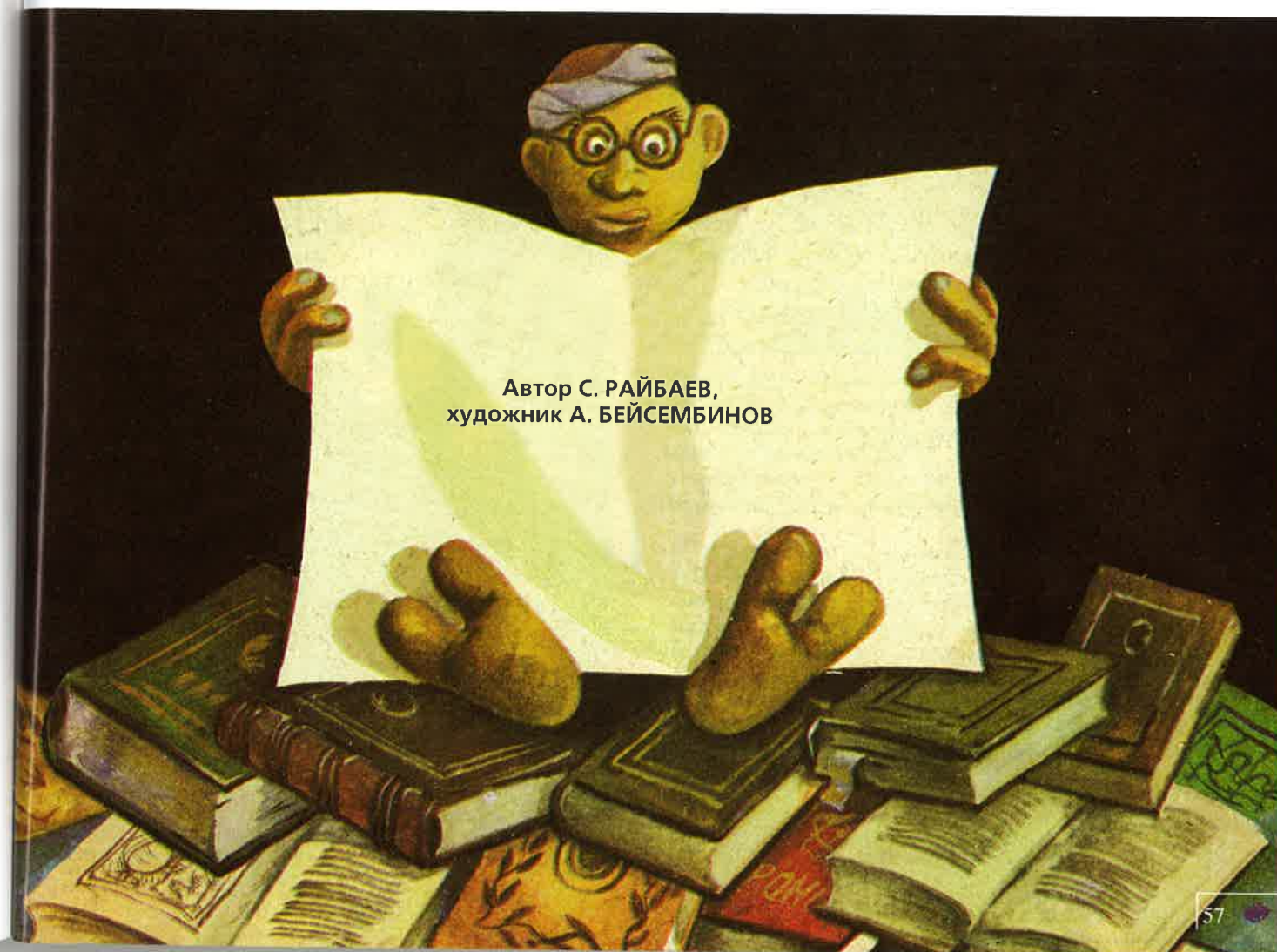

Джин оказался способным учеником. У него были пятерки по литературе, математике, химии и, конечно, по физкультуре, ведь он мог перепрыгнуть через любое дерево, мог поднять любую штангу. Лишь в одном не смог убедить его учитель — Джин упорно считал, что Земля стоит на трех слонах! И точка!

В конце концов насмешки ребят ему надоели и он, превратившись в муху, улизнул в школьную форточку.

Но он все-таки понял, что в наш электронно-космический век обязательно нужно учиться, даже ему, сказочному Джину. Посмотрите-ка, дорогой читатель, последнюю картинку.

Автор С. РАЙБАЕВ,
художник А. БЕЙСЕМБИНОВ

1 Таир

2 Иван

ЗВЕЗДНЫЙ ШАНС

ХОТИТЕ СНИМАТЬСЯ В КИНО?
Или - чтобы ваша
фотография попала
на страницы журнала?

Для этого не надо иметь идеальные пропорции или безусловную юность. Вы дороги нам такими, какие вы есть. Вес, рост, национальность, возраст, образование, пол и вероисповедание не имеют для кино никакого значения.

Журнал «Киноман» объявляет о начале новой акции – формировании базы данных потенциальных актеров. Присылайте свои любимые фотографии, и они будут опубликованы в нашем издании (публикация платная, 700 тенге), а также предоставлены для ознакомления специалистам кинокомпаний, съемочных групп фильмов и ведущих рекламных агентств.

3 Гаухар

4 Ильяс

Конкурс сценариев

Редакция журнала «КИНОМАН» совместно с кинокомпанией «ДАНА ФИЛЬМ» объявляют конкурс

на **ЛУЧШУЮ СЦЕНАРНУЮ ИДЕЮ**

1. документального фильма
2. мелодрамы
3. комедии
4. молодежного сериала
5. мультфильма

Победившие сценарии будут взяты в разработку кинокомпанией «Дана фильм», а фрагменты из них опубликованы в нашем издании. Синописы (краткое содержание сценариев) можно отправлять по адресу журнала «Киноман».

Удачи, ждем новых имен и открытий!

P.S. По вопросам соблюдения авторских прав можно обращаться в Казахстанское авторское общество (тел.: 72-46-14, 72-94-52, 72-91-52).

Информация
о претендентах
хранится в редакции
журнала «Киноман».
Удачи!!!

Содержание «КИНОМАНА» за год

Журналу «Киноман» в марте исполняется 1 год. Наш первый номер увидел свет 29 марта 2005 года. Предлагаем вашему вниманию содержание основных рубрик «Киномана» с 1 по 12 номера включительно:

ИНТЕРВЬЮ

«Серик Апрымов: первобытное кино» (о фильме «Охотник»), №1, стр. 4-7.

«Сын за отца» (Интервью с **Рустемом Абдрашевым** по поводу его фильма «Остров возрождения»), №2, стр. 4-7.

«Нариман Туребаев: кинематограф – идеальная форма визуального искусства» (о фильме «Маленькие люди»), №3, стр. 4-9.

«Ласково и нежно – Гука» (Беседа с **Гульшад Омаровой** о ее фильме «Шиша»), №4, стр. 4-8.

«Болат Калымбетов: я снял зрительское кино о своем народе» (о фильме «Сардар»), №5, стр. 4-9.

«Талгат Теменов: «Кочевник» – на 100% наш фильм», №6, стр. 4-9.

«Аманжол Айтуаров: режиссура – божественная профессия» (О фильме «Степной экспресс»), №7, стр. 4-7.

«Дом у соленого озера» – без сантиментов (Интервью с **Игорем Вовнянко**), №8, стр. 4-9.

«Саратан» – портрет кыргызской Независимости (Интервью с **Эрнестом Абдыжапаровым**), №9, стр. 4-6, «Следующий фильм – о любви», стр. 7.

«Тайны узбекского кинематографа» (Интервью с узбекскими кинематографистами **Турды Надыровым**, **Шухратом Аббасовым**, **Хатамом Файзиным**, **Шухратом Махмудовым**), №10, стр. 4-11.

«Волны» и зрелищ (Интервью с **Дамиром Манабаевым**, режиссером картины «Кек»), №11, стр. 4-9.

«О магнетизме» (Интервью с **Сатыбалды Нарымбетовым**, в связи со съемками картины «Мустафа»), №12, стр. 4-9.

РОЖДЕНИЕ ФИЛЬМА

«Кто не грешен?» (о фильме «Куна» («Грех»)), №1, стр. 28-31.

«Война без особых причин: «Ночной дозор-2» (о съемках «Дневного дозора»), №1, стр. 32-37.

«Скрипка и банкир» (о съемках видеофильма «Ночной блюз»), №1, стр. 38-41.

«Как мы снимали «Кочевников», №6, стр. 20-23.

«Вокальные параллели», №7, стр. 30-35.

«Почти комедия» (О съемках фильма **Рустема Абдрашева**, рабочее название «Лоскутное одеяло» или «Лоскутная память»), №10, стр. 44-47.

«Вендетта по-казахски» (О съемках фильма «Кек»), №11, стр. 10-13.

«Обычное дело – КИНО!» (О съемках фильма «Мустафа»), №12, стр. 10-12.

АВТОГРАФ

«Амина» (Об **Амине Умурзаковой**), №1, стр. 12-17.

«Нуржуман» (О **Нуржумане Ихтымбаеве**), №2, стр. 17-23.

«Бопеш» (О **Бопеше Жандаеве**, постер), №3, стр. 12-17.

«Дильназ» (О **Дильназ Ахмадиевой**, постер), №4, стр. 22-27.

«Венера» (О **Венере Нигматулиной**, постер), №5, стр. 28-37.

«Аянат» (Об **Аянат Есмагамбетовой**, постер), №6, стр. 28-37.

«Тунгышбай» (О **Тунгышбае Жаманкулове**), №7, стр. 24-29.

«Наталья» (О **Наталье Аринбасаровой**), №8, стр. 22-27.

«Гульнара» (О **Гульнаре Ералиевой**), №9, стр. 14-18.

«Фархад» (О **Фархаде Абдраимове**), №10, стр. 18-23.

«Хадиша» (О **Хадише Букуевой**), №11, стр. 18-22.

КЛАССИКА

Эссе **Эдуарда Лимонова** «**Пьер Паоло Пазолини**: ненавидимый», №1, стр. 18-20.

Пазолини: стихи разных лет, №1, стр. 21-23.

«Время в форме факта» (Из книги **А.Тарковского** «Запечатленное время»), №2, стр. 28-31.

«Виго о своем фильме «Ноль за поведение», «Франсуа Трюффо: по поводу **Жана Виго**», «Анри Ланглуа: ключ к снам», №3, стр. 18-23.

«Любовь холоднее смерти» (К 60-летию **Райнера Вернера Фассбиндера**), №4, стр. 40-43.

«Змеиная кожа» (Речь **Ингмара Бергмана** по случаю присуждения премии Эразма, Амстердам, 1965 год), №5, стр. 36-37.

Франсуа Трюффо о Хичкоке, «**Альфред Хичкок**: моя первая натурная съемка», №6, стр. 36-41.

«**Толумуш Океев**: «Если будешь запуганным, тебя съедят», №7, стр. 40-45.

Робер Брессон, из книги «Записки о синемагографе», №8, стр. 28-33.

99 лет со дня рождения **Лукино Висконти**: «Диалог о творчестве», письмо Пазолини, адресованное Висконти, №9, стр. 20-25.

«**Ясудиро Одзу**: создатель совершенных натюрмортов», №10, стр. 24-29.

«Планета **Феллини**», «Заметки о «Ночах...», №11, стр. 24-29.

«Солнце, Грузия...**Иоселиани!**», «Белиберду трудно смотреть», №12, стр. 34-38.

ЗВЕЗДА

«**Изабель Ясмин Аджани**», №1, стр. 46-49.

«Утомленный гламур шестидесятых» (О **Мэгги Чун**, постер), №2, стр. 44-47.

Натали Портман: «Никому нежелала бы быть нормальным», №3, стр. 46-49.

Адриано Челентано: Uno strano tipo, №4, стр. 34-39.

«Жемчужная нить судьбы» (О **Луизе Брукс**), №5, стр. 46-53.

«**Павел Луспекаев**: ваше благородие Актер», «Непроизносимый гений», №6, стр. 42-47.

«Принцип Ли для **Гон Ли**», №7, стр. 46-49.

«**Винсент Кассель**: носатый лягушатник» (Постер), №8, стр. 34-39.

«**Бакен Кыдыкеева**: 18 дней забвения», №9, стр. 35-37.

Пат и Паташон: «Тринадцатые», №10, стр. 39-41.

Катрин Денев: последняя «звезда», №11, стр. 36-39.

«Женщина или кошка?» (О **Хелли Бэрри**), №12, стр. 42-45.

КИНОЭЛИТА

Вадим Абдрашитов: «Каждый фильм – всегда дебют», №7, стр. 36-39.

Лев Прыгунов: «Меня вдохновляют алматинские горы», №8, стр. 40-43.

Человек-оркестр **Александр Филиппенко**, №9, стр. 30-34.

Сергей Соловьев: «Совесть и свобода трудно совместимы», №10, стр. 32-38.

Владимир Хотиненко: «Герой должен вырасти из народа», №11, стр. 30-35.

Александр Адабашьян, «человек-архипелаг», №12, стр. 20-29.

МАСТЕР-КЛАСС

Александр Сокуров: «В трагедии главное – не сама трагедия, а что делать потом», №1, стр. 24-27.

Кино и фонтаны: интервью с **Тонино Гуэррой**, №2, стр. 32-35.

Серж Даней: Шесть или семь вещей, которые я о нем знаю» (О **Годаре**), №3, стр. 40-41.

Иранец (Встреча **Аббаса Киаростами** с американскими зрителями, на русском языке публикуется впервые), №4, стр. 30-33.

Одиссея **Вима Вендерса** (эксклюзивное интервью), №5, стр. 54-55.

«История справедливости» (Интервью с **Ходжакули Нарлиевым**), №6, стр. 48-52.

«Звездный десант» (эксклюзивное интервью с **Джорджем Лукасом**), №7, стр. 50-52.

Питер Гринуй: глупая игра в темноте, №8, стр. 44-49.

«Делать кино на Западе – это кошмар!» (мастер-класс **Майкла Фитцджеральда**), №9, стр. 42-45.

«**Жан-Люк Годар** и его фильм «Наша музыка» (на русском языке публикуется впервые), №10, стр. 42-43.

Федор Аранышев: профессия – оператор, №12, стр. 30-33.

ФЕСТИВАЛЬ

«Охота на медведей», «Авиатор» пролетел» (о Берлинале-55 и «Оскаре-2005»), №1, стр. 54-57.

«На Восток!» (О Висбаденском фестивале), №2, стр. 12-16.

58-й Каннский фестиваль, интервью с **Михаэлем Ханеке**, №3, стр. 24-31.

История фестивалей, «4» года – условно (о «Кинотавре-2005»), №4, стр. 14-21.

Три фильма с Каннского фестиваля, «Учиться, учиться и учиться» (о ММКФ-2005), №5, стр. 20-27.

«Коза Мостра» (Материал о Венецианском кинофестивале), «Если звезды зажигают, значит...» (о фестивале дебютов «Звезды Шакена», «Хороший стиль – это когда есть что сказать...» (о награждении «Золотой Лолой», премией Берлинской киноакадемии), №7, стр. 14-23.

«II Евразийский фестиваль», «**Ван Дамм** и дамы», «После бала», «Империя мести» (эксклюзивное интервью с **Паком Чен Вуком**), №8, стр. 12-21.

«Кинофестиваль «Евразия-2005: амбиции и реальность», №9, стр. 10-13. Репортаж с Берлинале-56, №12, стр. 14-19.

Иэто – далеко не все! Прошлогодние номера журнала вы можете приобрести по цене 200 тенге, позвонив в редакцию. Наш телефон: 66-20-71.

«About love»: the story Chekhov on «digit»

With the producer of film Darezhan

Omirbayev

talks Irina Kostevich

Page 4

Can you speak about a picture that you have just made - «About love».

- This film became for me in any measure saving, because I did not remove five years (last picture, «Jol», has left in 2001.). So that order, which one has come unexpectedly from East, when I counted on West, very opportunely. It appears: in South Korea city Jenju passes a film festival each year. In my opinion the film festival passes six years. And three producers from miscellaneous test leads a pattern order films

- Each on 30-40 of minutes. The film should be removed on «digit». Excrete about 48 thousand dollars, and afford the producer full freedom. It is possible documentary cine to make on this money, it is possible - art. If only the producer has spent money for film. Certainly, I with great pleasure have agreed and have received from activity great pleasure.

For a long time wanted to make film under the known story Chekhov «About love», but story is small, for a feature-length picture of a stuff it is not enough. And, having secured an offer, at once has recollected the schedules concerning screening the story. This thing for Chekhov is pleasant to me, approaches my nature, world outlook.

Catastrophe of lodging scale

The Reporting Irina Kostevich

Page 12

Since morning of Monday in a flat start removals. Under the script, some sequences here deploy: the main heroine, Togzan, in an entrance, mounts on a stairway, rings in a flat of the protagonist, Kairat. He opens and surprises. The dumb scene, awkward talk - both are in love, and each is afraid to make a first step. The causes each more than has enough for uncertainty: she - is married, he - noble friend of her set. The second sequence: they are on a kitchen, drink tea. The emotions beat through an edge but outwardly - silence optional talk. Then sit in miscellaneous corners of a room, communicate. She searches for tracks of female presence secretly. (Ha-Ha, what are there tracks: on the eve «Cine the fans» all carefully have cleaned. Still scene - he meets New, 2006, sadly listens, liing on a sofa, reference of the President. Looks at fireworks... Melancholically washes in a narrow bosh to a room...

As you can see, the listing of operatings has taken the paragraph. That it to remove, was required day of exhausting activity. In the evening, not remembering myself from a fatigue (and you see I anything, as against a film unit, did not make, moreover hour three - four missed, was in edition), I ask Darezhan: «Well what is the time in film will take today's removals?» «It is a lot of, - minutes!» - responds pleased Darezhan. An eye for him during removals burn.

Kauken Interview

Page 16

The low brother Shaken Aymanov, Kauken Kenzetaev - almost coeval of past century: the month back to him was executed 90 years. The national actor of Kazakhstan, opera singer and producer, film actor, the winner «Tarlan» from the first words surprises with vivacity of mind and happy. Lively stars in eyes, sincere concern to the interlocutor, infectious good nature. About comas precisely is said «does not grow old by soul». - were you invite by brother? This was Shaken Aymanov?

- No, very first my role became a sequence in film Alexandrov «Volga -Volga». In 1939, being the student of the Moscow conservatoire, I have played for him of the member of commission on national talents. My partners on a site were Lubov Orlova, Igor Ilinskiy, - such good luck! Then more than once sounded on dubbing in Moscow the Kazakh films. And in 18 years, in 1957, «has returned» on a screen, having played for Shaken in a comedy «Our lovely doctor», where he has collected of all liked actors of theatre, opera. Played itself in a tiny role: slightly of text, yes is ripe a song, and all. And a playing key role in cine maiden has offered to me Mazit Begalin in a picture «It was in Shugla», but at first I have refused to him. I admit, not so favored then cine, fanatically liked opera, lodes by the theatre, where spent the day and spent the night, was not up to other entrainments. Piously believed, that there is no art above than opera, and now of that is convinced. But called me in cine more than once, I was failed, at me took offence, was surprised, why it I of glory shun, like. But I understood that the actor of opera and actor of cine are two miscellaneous elements. But to refuse absolutely from chap cine it was not possible, and it is no wonder, you see I was friends of many outstanding producers of the time. It then has understood that the cine tightens with the same passion, as well as any other art.

Portrait throttle in the documentary cradle

The text Alizhan Kusainova

Page 20

To say about Vladimir Tulkin «documentary film- maker», - means, to not say anything. His each creation pulls on a masterpiece: shrill «Experience of a cross, charismatic of «World champion», philosophical «Lord of the flies», discordant «the Fervent concordance». His camera is similar to a scalpel operating throttle the heroes: wrenches them inside out, alarms, stirs and shocks. It in ours hard vain time he attempts to turn vision deep into, in jungle of a subconscious mind, to remind of eternal values, to point out the spiritual nature of things. Yes so, that reflects who is he philosopher, artist or ecclesiast? On his pictures it is possible to study psychology of the person in boundary situations, to be surprised boundless around, to make discovering. Will fail only one - to pass indifferently past.

Karen Shahnazarov The cine has two functions knowledge a pattern and entertainment

Talks Timur Ermekov

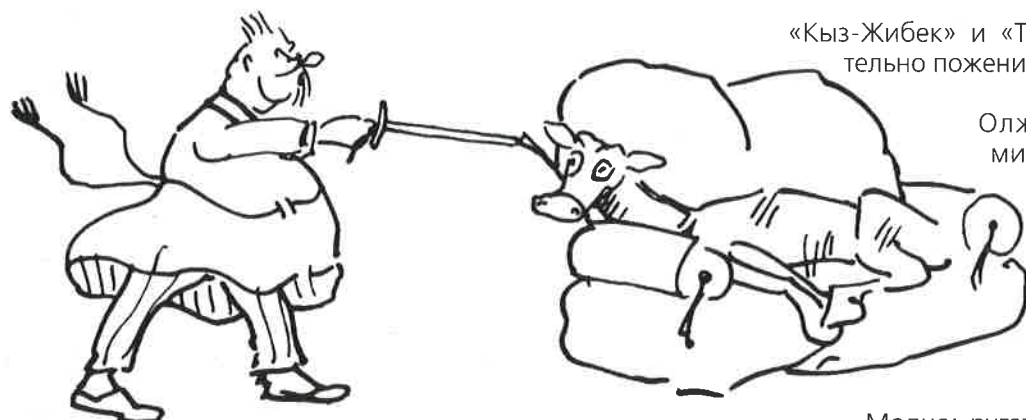
Page 30

- On a visit for «Kinoman» - one of the most known Russian producers, president of film-concern «Mosfilm» Karen Shahnazarov. Karen is doubly winner Госпремии of Russia, honored worker of arts, national actor of Russia, winner of many international film festivals.

- One of your last films - «Horseman on a name «Death». Why have you undertaken statement of this picture?

- Cause - in urgency. When I started, it was not such by daily occurrence. But, unfortunately, of modern patterns more and more and more becomes vulnerable for a terror. Than more he is combined, than more in it of technical systems, especially potent there are devices, which one were not for the terrorists earlier. And comp- any, which one struggles with a terror, and force including, all the same it is necessary perceiving, that only by force this problem to not decide. Behind a terror severe problems making, as a rule, youth (and youth always cost ideological instead of logistics) to sacrifice oneself radium any ideas - let even these ideas call false. Means, it is necessary to be disassembled. Or it is the social causes, either national, or complex. The subject this stirs me, therefore I have addressed to forgetting of the story Boris Savinkov. This story an alone example in a world history, when the terrorist of such large scale (and Savinkov was famous on all of patterns in the end XIX - beginning XX of centuries, not less, than now Ben Laden) had some literary gift and wrote the stories. And in them described also colleagues, and. It is the information at first-hand, perceive the invaluable information! (Laugh) Other such example I do not know in general. About terrorism many are written, but as a whole by the people which are not having to this of any attitude. And Savinkov was engaged in what writes about therefore it seemed to me interesting.

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

«Кыз-Жибек» и «Толеген» потом действительно поженились.

Олжас Сулейменов, став министром культуры, так и не подстригся, хотя Кунаев его просил.

Серик Апрымов для съемок в фильме «Охотник» держал на даче волков.

Модно: ругать «Казахфильм», ругать Михалкова, очень сильно ругать Бекмамбетова;

Бекмамбетов и Килибаев – позор казахского кинематографа, они продались мировому капитализму.

Немодно, но денежно: бросить кино и уйти на телевидение. Там всем говорить про ВГИК.

Кыргызы сильны. У них есть Актан Абдыкалыков. Сейчас его зовут Арым Кубат. Раньше он был художником.

Туркмены тоже сильны. Они все в эмиграции. Таджики сильны. У них живет Аббас Киаростами.

Казахи сильны. У нас есть два журнала о кино.

Ирина КОСТЕВИЧ.

В казахском кино советского периода – четыре классика: Айманов, Ходжиков, Бегалин и Карсакпаев.

Шакена Айманова близкие друзья называли «Кошелек» - в ресторанах всегда расплачивался только он; Мажит Бегалин потерял на фронте руку; фамилия Абдуллы Карсакпаева пишется через «п», а не через «б», как в энциклопедии, потому что так ему больше нравилось.

Аки Кауризмьяки – это не скороговорка, а имя финского кинорежиссера.

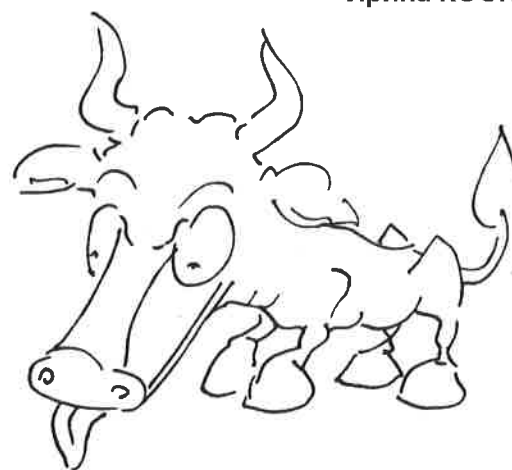
Чтобы стать успешным режиссером, надо удачно жениться на продюсере.

Все актеры – дураки. Режиссеры тоже – дураки. Второй состав – дураки. Умные люди в кино не идут, они занимаются недвижимостью.

«Киношник» - не профессия, а карма.

Актер Каукен Кенжетаев – родной брат Шакена Айманова. На самом деле его зовут Абдрахим. Он оперный певец. Айманов на самом деле не Шакен, а Шахкарим.

Все шесть казахстанских кинокритикесс в молодости были красавицами.

Риту-Палас

3-й этаж

A
AIGNER

Адрес: ТРЦ «РИТЦ-ПАЛАС», мкр-н «Самал-3», пр. Аль-Фараби, 1, уг. пр. Достык.
Тел.: 96 49 33, факс: 96 49 30